

ОТЕЧЕСТВО

иллюстрированная летопись

НАРОДНАЯ ВОЙНА

ЛЮБИТЕ и жалуйте солдата, не забывайте о солдатѣ, граждане, живые въ мирѣ его защитой. Каждую ночь, ложась въ теплую постель, вспоминайте о немъ, бодрствующемъ въ мокрыхъ и холодныхъ окопахъ, или тамъ же засыпающемъ послѣднимъ сномъ,— пусть это будетъ вашей молитвой. И о немъ же думайте, просыпаясь, пусть съ любовной мысли о солдатѣ начинается вашъ день. Любовь преодолагаетъ все. Тысячами незримыхъ путей, могучими токами сердечнаго напряженія, дойдетъ ваша любовь до солдата и тепломъ напоитъ его душу, сопряженную смерти, его измученное тѣло, оторванное отъ родныхъ корней. Не заботьтесь о почтѣ и адресѣ: самъ ангелъ любви будетъ вашимъ посланцемъ и бережно донесетъ до далекаго каждый вашъ вздохъ и слезу. Вѣрьте, вѣрьте въ силу любви!

И берегитесь сомнѣній, гоните страхъ и робкія двуличныя мысли. Онъ узнаетъ и это,— все дойдетъ до него тѣми же незримиыми и воздушными путями. Не смущайте солдата.

Его мышцы и духъ сильны вашей волей къ побѣдѣ, вся армія наша только образъ воли народной, ея закаленное остріе. Напрягайте, напрягайте

волю къ побѣдѣ! Не изъ стали дѣлается оружіе — изъ

воли къ побѣдѣ, изъ твердости духа народнаго

куются самые острые мечи.

Думайте о солдатѣ!

Л. А.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛѢТОПИСЬ

№ 3.

ПЕТРОГРАДЪ.

16 НОЯБРЯ 1914 г.

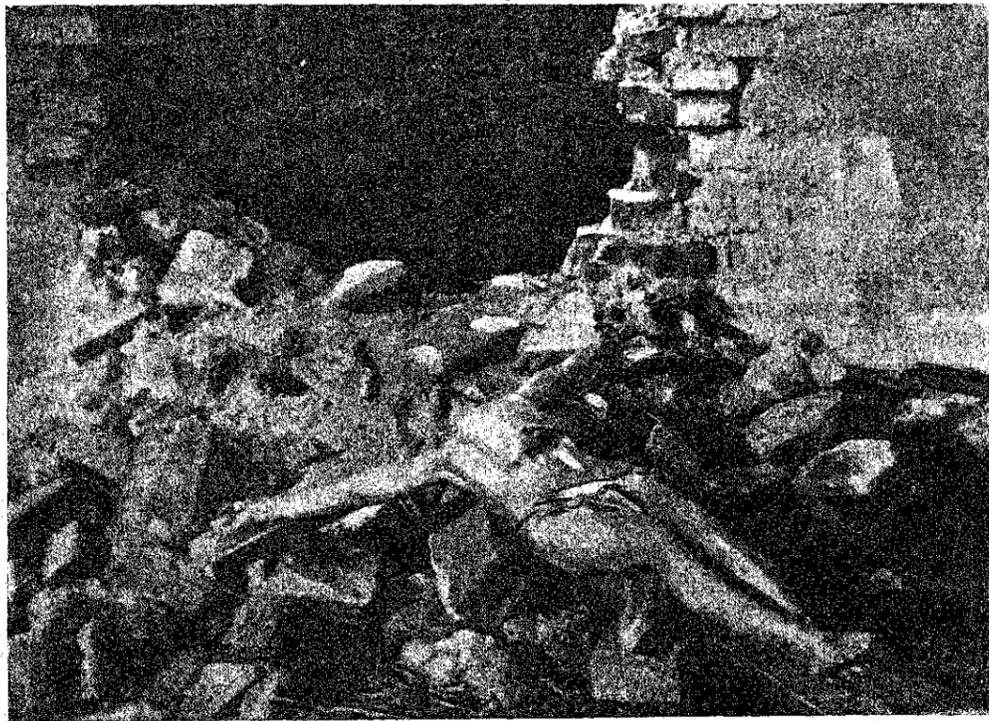
ВОЙНА ВЪ КАРТИНАХЪ.

Всѣ мы неодолимой силой влечемся къ полямъ битвъ, къ боевой жизни нашего народа. Съ мучительнымъ интересомъ наше воображеніе стремится нарисовать военныя дѣйствія, которыя обозначаются въ официальныхъ отчетахъ сухими терминами: стычки, развѣдки, бои. Хочется вчувствоваться въ войну, ощутить атмосферу ратной страды народа. Разказы и письма участниковъ войны скорѣе всякихъ другихъ повѣствованій приводятъ къ цѣли и даютъ впечатлѣніе дѣйствительности. Но есть еще источникъ подлинныхъ впечатлѣній— фотографическіе снимки. Эта прекрасная возможность ознакомленія съ войной до сихъ поръ крайне недостаточно использована въ русскихъ иллюстрированныхъ журналахъ. Редакція «Отечество» ставитъ своей задачей дать возможно полный подборъ фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Всѣ эти фотографіи составляютъ собственность редакціи «Отечество» и воспроизведеніе ихъ будетъ нами преслѣдоваться.

Въ этомъ номерѣ мы даемъ рядъ фотографическихъ снимковъ, иллюстрирующихъ послѣднія событія подъ Варшавой, въ Пясечно, въ Равѣ Русской, въ Галичѣ, во Львовѣ.

(Перепечатка воспрещается).

Германцы, причисляющіе себя къ христіанскимъ народамъ, безпощадны къ христіанскимъ святынямъ. Одержимые духомъ разрушенія, германцы съ особеннымъ неистовствомъ и глумленіемъ превращаютъ храмы въ развалины, оскверняютъ внутренность церквей и портятъ церковную утварь. На нашемъ снимкѣ изображены развалины костела: среди развалинъ алтаря—Распятіе, кощунственно разрубленное сабельными ударами пѣвцевъ.

Въ Польнѣ, какъ и во всей Россіи, много придорожныхъ крестовъ. На снимкѣ изображенъ такой придорожный крестъ съ Распятіемъ, сдѣланный пузетнымъ огнемъ германцевъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВЪ.

ЧЕРНОЕ ПО БѢЛОМУ.

ДИПЛОМАТИЯ ВЪ „БѢЛОЙ КНИГѢ“.

ЗЛО нуждается въ оправданіи. И то зло, которое причинила міру Германія, подививъ кровавый ураганъ, бушующій нынѣ отъ моря до моря, нуждается въ оправданіи. Слишкомъ сильны моральные устои челоѳства, чтобы можно было съ презрѣніемъ отнестись къ суду времени. И въ желаніи оправдать себя и свалить вину на другихъ, правительство германской имперіи повело ту игру на психологію, которой равной не видѣлъ міръ. Несчастнаго и довѣрчиваго булочника Фрица, резонера слесаря Михеля и мудрыхъ Оствальда, Геккеля и Гарнака—всѣхъ одинаково надо было убѣдить, что война вызвана Россіей. Необходимо, слѣдовательно, было создать ту обстановку, при которой въ опредѣленномъ направленіи работаетъ мысль и живетъ чувство.

Уже двадцать пять лѣтъ, съ усердіемъ непреоборимымъ, императоръ Вильгельмъ ведетъ атаку на психологію своихъ подданныхъ. Изо дня въ день нѣмцамъ твердится, что Германія окружена готовыми броситься на нее врагами, что отсюда проистекаетъ потребность успивать вооруженія, дабы быть «готовыми». И—до глубинъ своихъ—Германія оказалась зараженной ядомъ «приготовленій», и болѣзненная психологія народа дѣлала возможнымъ то, что правительство Германіи опустошало народный кошелекъ.

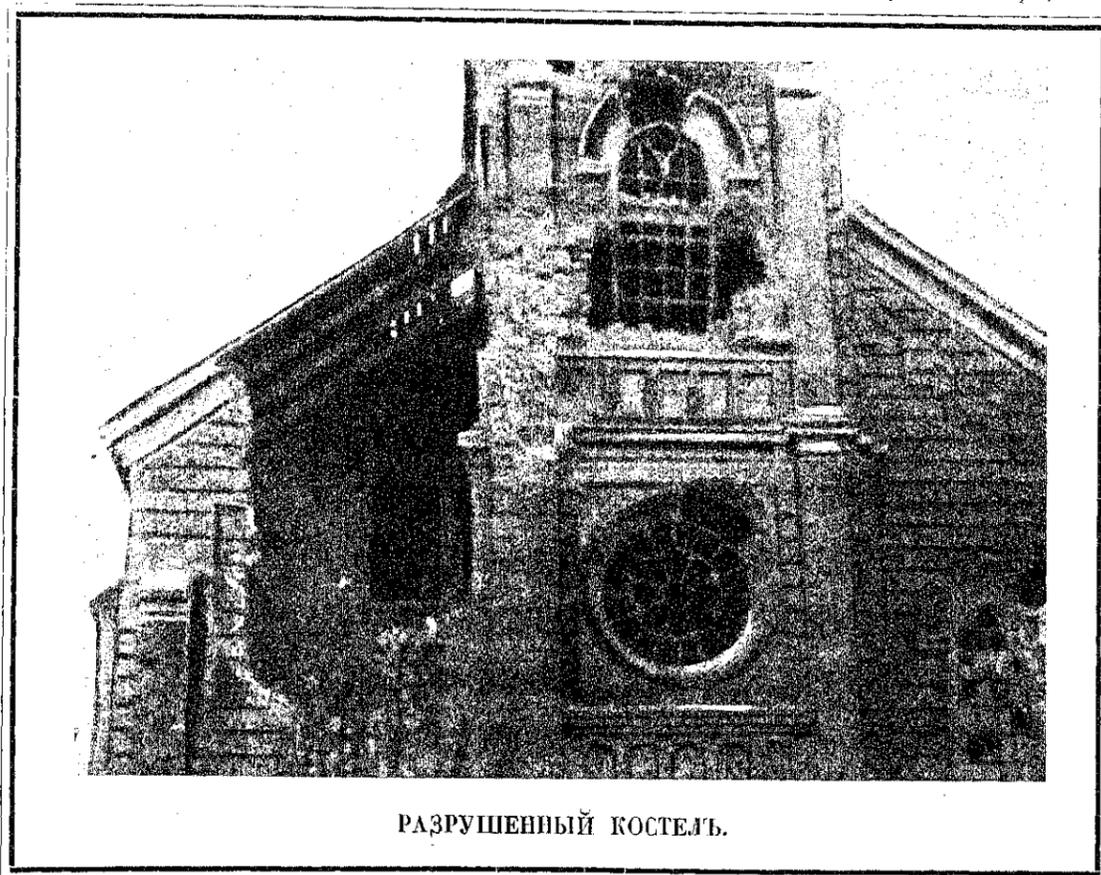
Въ этой игрѣ на психологію факты обычно играютъ второстепенную роль. На первый планъ выступаютъ шорохи, подозрѣнія, болѣзненные впечатлѣнія и фантастическія видѣнія. Нѣмцамъ не давали фактовъ. Имъ твердили: «Россія хочетъ», «Англія думаетъ», «Франція мечтаетъ». И въ результатѣ такого рода безсовѣстной игры на психологію, нѣмцы, столь точные во всѣхъ областяхъ науки и повседневной жизни, въ смыслѣ политическомъ превратились въ шептуновъ.

Шептуны отъ правительства и шептуны отъ народа завораживали другъ друга. Германія жила въ атмосферѣ дома для психически-больныхъ, и политика страны превратилась въ сплетню старой бабы, въ подозрительное недоувѣріе ко всему роду челоѳческому.

Въ тѣ дни, когда съ береговъ Шпрее былъ данъ сигналъ: «Къ оружію», Европа увидѣла, что такого рода политика оказалась гибельной для Германіи. Страна Бисмарка являла образецъ государства, дипломатически-разгромленнаго уже 20 іюля. Политика шороховъ и запугиваній себя и другихъ произвела себѣ смертный приговоръ.

Но оставалось объяснить еще съ простодушнымъ Фрицемъ и съ мудрымъ Гарнакомъ, объяснить имъ, что повинно во всемъ не правительство кайзера, а Россія, Франція, Англія, Бельгія, Японія, Сербія. И тогда берлинскій статсъ-секретаріатъ выпустилъ «Бѣлую книгу», этотъ потрясающій документъ, спекулирующій на психологію нѣмцевъ. Прочтя «Бѣлую книгу», выдающійся современный историкъ Гумельмо Ферреро подвергъ эту книгу историческому анализу и не нашелъ въ ней исторіи, а лишь «впечатлѣнія» больныхъ или шарлатановъ.

И въ самомъ дѣлѣ. «Бѣлая книга», какъ наша «Оранжевая» или англійская «Синяя», должна была содержать въ себѣ тѣ документы, на основаніи которыхъ всякій обыватель уясняетъ себѣ, какъ развивались событія, приведшія къ мировой катастрофѣ. Не ясно-ли, что люди, вершащіе политику страны, обязаны оперировать исключительно строго-проѳверенными фактами? Что отвѣтственность за счастье родины и за миліоны жизней (хотя-бы только соотечественниковъ) требуетъ добросовѣстности, точности и—прежде всего—правдивости?

РАЗРУШЕННЫЙ КОСТЕЛЬ.

Что же даеть германская «Бѣлая Книга»? Въ своей первой части она «разсказываеть» о событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ. Къ этому «разсказу» надобно отнести только, какъ къ разсказу. Во второй части приводятся документы, къ нимъ и обратимся *).

Россія «рѣшила» напасть на Германію. Это—теза. Теза, какъ видите, психологическая, ибо для доказательства этого заданія факты почти не нужны. Такъ оно и есть.

13-го іюля вечеромъ генералъ фонъ-Хеліусъ телеграфируетъ изъ Петрограда императору Вильгельму: «Маневры въ Красномъ Селѣ неожиданно прерваны, и полки отправлены на мѣста обычной стоянки. Большіе маневры сегодня прерваны; воспитанники военныхъ училищъ сегодня произведены въ офицеры. У меня впечатлѣніе **), что принимаются всѣ мѣры для мобилизаціи противъ Австріи.

На другой день германскій военный атташе въ Петроградѣ телеграфируетъ въ свой генеральный штабъ: «Я исполнилъ убѣжденъ, что объявлена мобилизація кievскаго и одесскаго округовъ. Сомниваюсь относительно варшавскаго и московскаго, а другихъ—невозможно».

Шептуны въ Берлинѣ взволновались, и 13 іюля Бетманнъ-Гольвегъ телеграфируетъ германскому послу въ Лондонѣ:

... «Въ Россіи призываютъ резервистовъ... Если сообщеніе окажется правильнымъ, мы принуждены будемъ съ своей стороны принять аналогичныя мѣры».

14 іюля Пурталесъ телеграфируетъ канцлеру: «Военный атташе такъ сообщаетъ о своей бесѣдѣ съ русскимъ военнымъ министромъ: г. Сазоновъ просилъ г. Сухомлинова выслать мнѣ ситуацію. Г. Сухомлиновъ далъ честное слово, что не опубликовано никакого приказа о мобилизаціи. ... Если австрійская армія перейдетъ сербскую границу,—будутъ мобилизованы военные округа, соседніе съ Австріей—Кіевскій, Одесскій, Московскій, Казанскій. Но ни въ какомъ случаѣ Варшавскій, Виленскій, Петроградскій.

16 іюля германскій военный атташе въ Петроградѣ доноситъ въ Берлинъ, что онъ «не вѣритъ» въ честное слово, «боятся», что его «вводятъ въ обманъ» завѣренія

нашего военного министерства. Рядъ послѣдующихъ депешъ, вплоть до 17 іюля, депешъ, которыми обмѣнялись германскіе государственные дѣятели, какъ равно и телеграммы императора Вильгельма, начинаются и кончаются словами «увѣренъ, убѣжденъ, думаю, кажется»...

Было ясно еще 14 іюля, что Германія рѣшила во что бы то ни стало «поддержать» Австрію и начать войну съ Россіей, если бы у насъ мобилизованъ былъ хотя бы только Кіевскій округъ.

Другое еще болѣе ясно: не имѣя въ рукахъ никакихъ фактовъ, аргументируя исключительно впечатлѣніями, германскіе посолъ и атташе этимъ своимъ впечатлѣніемъ придавали первостепенное значеніе. У нихъ «впечатлѣніе», что мобилизація неизбежна; они «предполагаютъ», какіе округа могутъ быть мобилизованы; свои догадки выдаютъ за непреложное. А Бетманнъ-Гольвегъ, самъ не исполнивъ довѣрія впечатлѣніемъ Пурталеса («если сообщеніе окажется правильнымъ»), вмѣсто того, чтобы прекратить политику шепотовъ, поддается внушеніямъ и, основываясь на «убѣжденіяхъ» и «сомнѣніяхъ» фонъ-Хеліуса и Пурталеса, въ два дня такъ обостряетъ положеніе, что доводитъ дѣло до войны.

Еще 14-го іюльскимъ шептунамъ «кажется», что Россія «хочетъ» мобилизоваться противъ Австріи. А на другой день они «убѣждены», хотя Россія уже мобилизуется и не противъ Австріи только, но и противъ Германіи. А за эти сутки не произошло ничего новаго, что могло бы подозрѣнія превратить въ увѣренность.

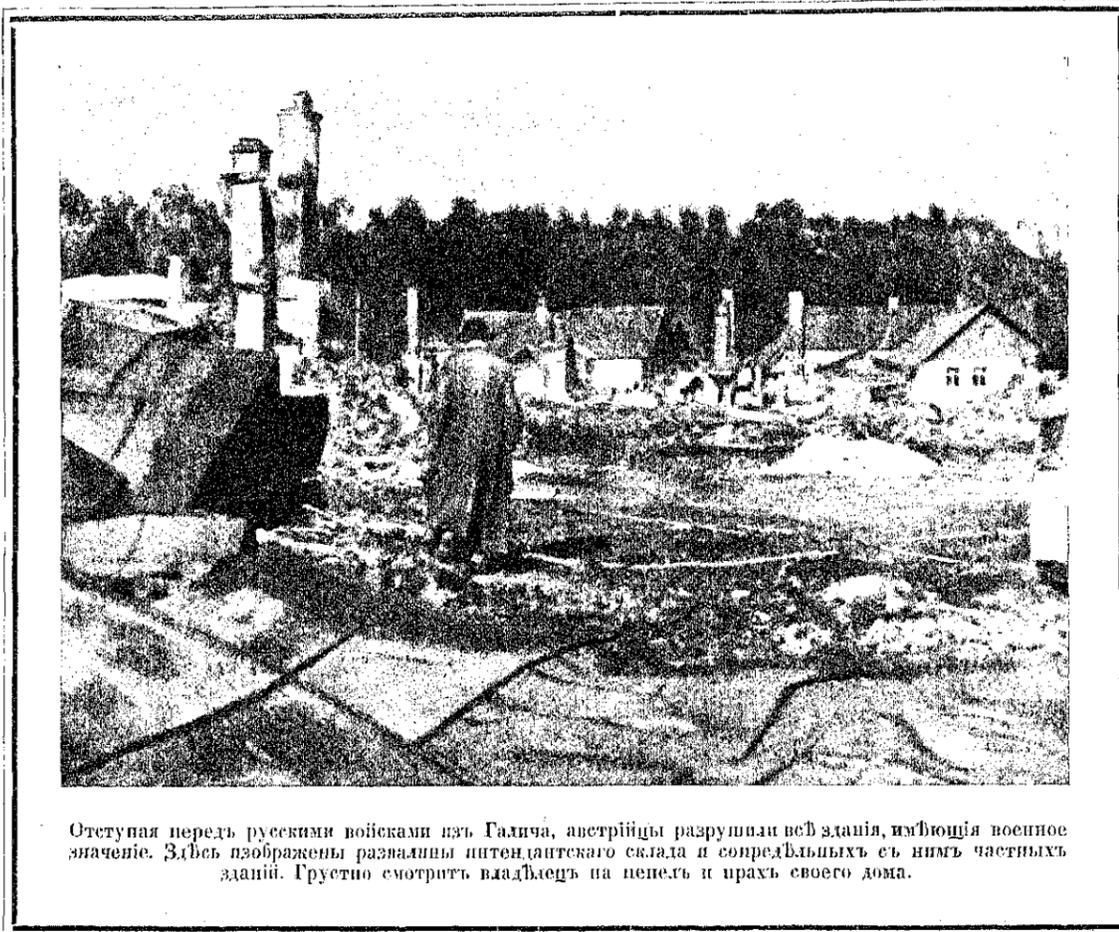
Такъ «Бѣлая Книга» обличаетъ руководителей германской политики. Такъ немногочисленные, тенденціозно подобранные документы свидѣтельствуютъ, что въ основу своихъ поступковъ дипломатія Германіи брала не факты, а впечатлѣнія. Въ теперешнемъ болѣзненномъ своемъ состояніи Михелю некогда вчитываться, и ничего онъ все равно не пойметъ. Но, когда кончится война, и Германіи придется расплачиваться за все, ею содѣянное, тогда нѣмецкій народъ проштудируетъ «Бѣлую Книжку» и изъ нея увидитъ, какъ постыдна была игра на психологию людей, развращаемыхъ такъ долго и такъ упорно.

Петръ Яковлевъ.

*) Цитирую документы по итальянскимъ и нѣмецкимъ газетамъ.

**) Курсивъ нашъ.

(Перепечатка воспрещается).

Отступая передь русскими войсками изъ Галича, австрійцы разрушили всѣ зданія, имѣющія военное значеніе. Здѣсь изображены развалины интендантскаго склада и сосредѣленныхъ съ нимъ частныхъ зданій. Грустно смотритъ владѣлецъ на пепелъ и прахъ своего дома.

СЪ ВОЙНЫ. ПИСЬМА УЧАСТНИКОВЪ.

Въ этомъ отдѣлѣ мы будемъ печатать сообщенія участниковъ великой народной войны — офицеровъ, нижнихъ чиновъ, сестеръ милосердія, врачей. Письма нашихъ доблестныхъ воиновъ — важнейшій источникъ будущей исторіи войны, и на всѣхъ насъ лежитъ долгъ собрать и сохранить эти письма. Редакція журнала «Отечество» обращается съ просьбой ко всѣмъ, получающимъ извѣстія съ войны, присылать въ редакцію письма — въ подлинникѣ или точныхъ копій. Страницы журнала широко раскрыты для этихъ сообщеній, писанныхъ на поляхъ битвъ. Простые, безыскусственные рассказы дѣлаеи войны знакомятъ насъ съ боевой жизнью и раными трудами лучше, чѣмъ описанія со словъ, изъ вторыхъ рукъ. Въ этомъ номерѣ мы публикуемъ письмо унтеръ-офицера одного изъ нашихъ стрѣлковъ полковъ.

Милый К., трудно описать обстановку, при которой строчу тебѣ: громадный сосновый лѣсъ, полный дыма. Это бивуакъ съ тысячею костровъ. Мѣсто гдѣ-то между С. и А. Лѣсъ еще не очищенъ отъ труповъ—вчера въ этихъ мѣстахъ былъ грандіозный бой. Нашъ полкъ стоялъ въ резервѣ верстахъ въ двухъ отъ боя. Дрожала земля отъ грохота орудій, — было вѣчто изумительное, гроза небесная. Нѣмцевъ нужно было сдержать и не дать уйти въ Германію до прихода Р., но, кажется, они ушли, хотя и съ большими потерями. Ночью мы шли черезъ этотъ лѣсъ на поле битвы, шли, натакиваясь на трупы и раненыхъ. Горѣли между стволовъ огни,

Вышли въ темное поле—только два зарева освѣщали его,—и по этому полю бродили съ огнями—подбирали раненыхъ. Нашу роту назначили было для уборки, да оставили.

Настроеніе и самочувствіе у меня хорошее, какъ и вообще у всѣхъ солдатъ...

Сегодня часовъ въ 12 ночи привели ночевать въ деревеньку, домовъ 10. А ночевало 6 полковъ. Для четырехъ ротъ, т. е. для тысячи человекъ дали одинъ сарай,

Спали больше на дворѣ при страшнѣйшемъ холодѣ. Я спалъ въ сараѣ, но какъ?—стоялъ на четверенькахъ, ткнувшись головой и физиономіей во что-то твердое, кажется въ котелокъ.

Пишу, а изъ глазъ слезы льютъ—дымъ отъ костра всѣ глаза выѣлъ. Варю картошку,

27-го.

Много событій произошло съ тѣхъ поръ, какъ написать я предыдущее. Три дня былъ въ бою нашъ полкъ, и многихъ уже въ немъ не стало. Тяжело раненъ вольноопредѣляющійся моей роты, съ которымъ я хлѣбъ-соль ѣлъ. Самъ я цѣлъ и невредимъ, а шрапнелей и гранатъ наслушался безъ конца. Въ послѣднее время даже спокойно относиться началъ. Летитъ, рвется—и Богъ съ ней.

Здание общественных учреждений въ П., разрушенное огнемъ артиллеріи.

Пишу тебѣ при отчаянномъ холодѣ: живемъ въ ябсу въ окопахъ. Огъ полка я отдѣлалъ, такъ какъ назначенъ, въ числѣ другихъ, для прикрытія артиллеріи. И артиллерійскаго боя насмотрѣлся и наслушался вволю.

Твой Андрей.

Скучно, К. милый, въ окопѣ. И скучно, и холодно. Вотъ уже шестой день (сегодня 28) сидимъ мы въ холодныхъ ямахъ—стережемъ батарею отъ внезапнаго нападенія конницы или пѣхоты. Но непріятель не нападетъ, а въ послѣдніе два дня батарея вовсе молчитъ.

Задача сдѣлана: изъ сильныхъ укрѣпленій въ мѣстечкѣ К.

непріятель выбитъ. Расскажу какъ все обстояло.

Недѣлю назадъ не одинъ нашъ, но нѣсколько полковъ получили задачу—выбить нѣмца изъ К. Огъ нашей роты отдѣлили два взвода для прикрытія артиллеріи. Прикрытіе считается опаснымъ, такъ какъ по артиллеріи стрѣльба постоянная, и не пули летаютъ, которыхъ мало кто боится, а рвутся шрапнели и гранаты. А гранаты—это гостинцы, величиною почти въ ростъ человѣка. Когда ихъ пускаютъ «на ударъ», т. е. чтобы рвались онѣ уже на землѣ, то яму онѣ вырываютъ чуть ли не саженой глубины.

Въ первый день, къ вечеру поѣхала батарея на позицію. И мы, конечно, шли бокъ-о-бокъ съ нею.

Въ такую ложбину заѣхали и мы. Но едва стали заводитъ лошадей, какъ все небо завизжало, заскрежетало, поднялись столбы дыма—то нѣмецъ прослѣдилъ батарею и стрѣлялъ по ней.

А по воздуху неслись все новыя и новыя пощія и стонущія птицы, рвались надъ самою головою и... я не могу понять, почему отъ шрапнели никто не пострадалъ. Отдѣхавъ съ полверсты, стали на новую позицію, по нѣмецъ пристрѣлялся и сюда. Было здѣсь весьма жутко, и прикрытіе едва уцѣлѣло.

Зато слѣдующій день былъ исключительно удаченъ. А жарокъ былъ на рѣдкость: осыпалась земля въ окопахъ, грохотъ стоялъ невообразимый. Это былъ бой, заставившій нѣмца уйти изъ К.

На позицію наша батарея стала ночью и не была замѣчена. Другая батарея стояла сажень въ 100 позади, но пріѣхала утромъ; нѣмцы ее замѣтили и потому обстрѣливали всю площадь. И въ этой второй были жертвы: одна граната, пущенная «на ударъ», угодила въ самый окопъ—грохъ разорвала, нѣсколькихъ ранила.

Зато наша понесла потерю лишь одного человѣка, а дѣла надѣлала много: на слѣдующій день везли 4 нѣмецкихъ орудія, на которыхъ наша перебила лошадей и разсѣяла прислугу. Все это произошло на моихъ глазахъ. Верстахъ въ 4 отъ батареи нѣмцы вывели орудія, и только одно успѣло выстрѣлить. Два попали въ ядѣи заряженными, одно вовсе въ чехлѣ. Красивыя орудія, съ вензелями и украшеніями.

Вообще до сихъ поръ это былъ самый опасный день: осколки падали въ 3—4 шагахъ отъ окоповъ (и сейчасъ, когда пишу, идетъ стрѣльба,

а это уже никому не страшно).

На третій день боя наши вошли въ К, и съ тѣхъ поръ, вотъ уже новыхъ 3 дня, отдыхаютъ и ружья и пулеметы: идетъ только, да и то неинтенсивно, артиллерійскій бой. И скучно наконецъ становится. Мороситъ дождь, мочить безъ конца, и съ тоскою думаешь, что это надолго, и недѣлю будешь ходить мокрый, ибо высушиться негдѣ.

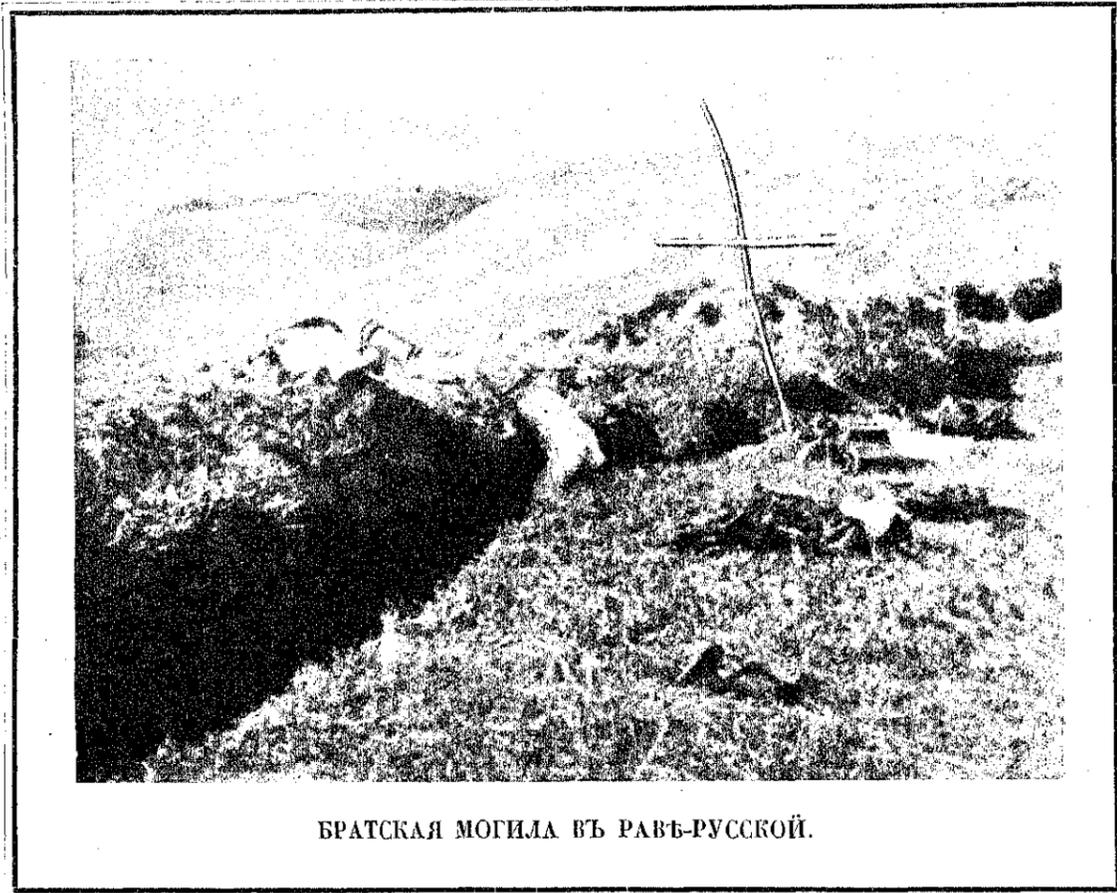
Утѣшаетъ одно только: возможность вынуть изъ кармана изъ Германіи вывезенный портсигаръ, вынуть кусокъ старой газеты и свернуть махорки. А то раньше этого не было и мы нѣсколько дней не курили. Солдаты, правда, курили... сухіе березовые листья.

Желаю тебѣ... и т. д.

Читаю ваши письма и жалѣю, что вы все такъ обо мнѣ безпокоитесь.

Андрей.

(Перепечатка воспрещается).

БРАТСКАЯ МОГИЛА ВЪ РАВЪ-РУССКОЙ.

ЕВГ. ЛЯЦКИЙ.

ПО МОСКВѢ.

— Москва—городъ правильный,— сказалъ мнѣ словоохотливый приказчикъ, хитро улыбаясь и поглаживая окладистую бороду.

Я засмѣлся. Давно знакомый мнѣ милый московскій патриотизмъ, въ которомъ столько же искренности, сколько и добродушной, глубоко про себя запрятанной усмѣшки.

— А Питеръ, хошь онъ и Петроградъ по-нынешнему,— онъ на фуфу: что ты съ него для Россіи-матушки возьмешь? А перво-на-перво разница такова: въ Москвѣ каждый ибѣмецъ поживетъ-поживетъ да русскимъ и сдѣлается, а въ Питерѣ и русскій человѣкъ ибѣмцемъ выглядитъ...

Убѣдить коренного москвича быть справедливымъ и къ бѣдному «Питеру»—вещь невозможная, и я не сталъ убѣждать. Пошелъ бродить по улицамъ и площадямъ, прислушиваясь къ чудному московскому говору. День былъ туманный и сѣрый, почти петроградскій, и дома и люди старались слиться въ дымкѣ защитнаго цвѣта. Но я не узнавалъ прежней московской толпы, неторопливой, вѣчно балагуриющей, задорно смѣющейся. Теперь она преобразилась: стала дѣловита и серьезна. Она не суетится, но и не медлитъ. Она дорожитъ каждой минутой, боится простоять у трамвая лишнее время, торопитъ совѣмъ окамчадалившагося Ваньку. Снуютъ автомобили съ военными, огромныя фуры развозятъ теплое бѣлье, оборудованіе для лазаретовъ, движутся раненые съ повязками, и прохожіе съ какимъ-то стыдливымъ смущеніемъ даютъ имъ дорогу,—и надъ всѣмъ этимъ чувствуется могучая, широкая, порывисто бьющаяся жизнь, напряженная одной мыслью и волей и глубоко сознательная.

Москва и Петроградъ!—ихъ контрастъ чувствуется на каждомъ шагѣ, безъ всякаго отношенія къ тому, гдѣ лучше, гдѣ хуже. Но иначе, иначе—особенно теперь. Вы въ Петроградѣ, допустимъ, поѣхали по дѣлу въ какую-нибудь кан-

целярію или министерство. Посидѣли въ приемной, дождалась очереди. Вамъ удѣлили двѣ-три минуты полного, непрерывнаго вниманія. Учтиво отказали, либо дали надежду на снохожденіе высшей инстанціи. Вы ушли въ настроеніи подавленной досады или коррективной неопредѣленности и долго не могли распознать въ передней свои галоши. Выйдеть или не выйдеть? Четъ—нечетъ, нечетъ—четъ?

Въ Москвѣ—не то. Вы зашли на одинъ изъ самыхъ бойкихъ организаціонныхъ пунктовъ. Васъ просятъ—Пожалуйте, чего же вы тамъ стоите въ приемной? Вы попадаете въ компанію пяти-шести-семи человѣкъ, изъ которыхъ каждый пришелъ по своему особому и важному дѣлу. Говорятъ по-двое, по-трое за-разъ, вперебивку съ телефономъ, который трещитъ черезъ каждыя двѣ минуты.

— Такъ вамъ, Иванъ Семеновичъ нужно то-то и то-то...

— Да, ужъ, пожалуйста, Сергѣй Ивановичъ...

—А вы, Сидоръ Карповичъ, хотите того-то и того-то?

— Точно, хотѣлось бы... Времячко не терпитъ.

И, не отвѣчая ни Ивану Семеновичу, ни Сидору Карповичу, видимо, соображая, «наибольшій» неожиданно обращается къ третьему:

— Такъ сдѣлаемъ такъ, Перфілій Николаевичъ,—мы вамъ отпустимъ, что надо, а вы за милую душу поскорѣе доставьте.

Ни Иванъ Семеновичъ, ни Сидоръ Карповичъ не въ обидѣ: они прекрасно знаютъ, что очередь дойдетъ и до нихъ, и все устроится ко взаимному удовольствію и пользѣ для дѣла. А если откажутъ, такъ съ толкомъ и резонами, противъ которыхъ спорить нельзя и, стало быть, на отказъ обижаться нечего. Зато когда опредѣленное рѣшеніе получено, дѣлопроизводство упрощено до послѣдней степени, и ничто не мѣшаетъ взявшему на себя порученіе немедленно приступить къ его исполненію.

(Перепечатка воспрещается).

БРАТСКАЯ МОГИЛА ВЪ РАВЪ-РУССКОЙ.

Въ московскомъ вершеніи большихъ дѣлъ больше, кажется, сметки и натиска, чѣмъ организованности и плана. Больше вдохновенія и чутья момента, чѣмъ вдумчивости и разработки. Можетъ быть, это и хорошо и даже нужно въ такое время, когда событія не ждутъ, и нарастаютъ со сказочной быстротой. Въ Петроградѣ даже на общественныхъ организаціяхъ лежитъ бюрократическая складка: любовь къ комиссіямъ, подкомиссіямъ, комитетамъ. Вершатъ онѣ, къ сожалѣнію, малыми дѣлами, а времени поглощаютъ много. Но зато начатое дѣло они теоретически дорабатываютъ до

конца и, несомнѣнно, накапливаютъ большой опытъ. И вотъ мнѣ думается, когда горячій періодъ войны пройдетъ и настанетъ время длительно лечить нанесенныя войной раны, опытъ петроградскихъ организацій сослужитъ живую и дѣятельную службу, и опытъ этотъ надлежитъ не упускать изъ вида тароватой, но разбрасывающейся Москвѣ.

А пока что Москва, какъ и всегда, живетъ своей характерной, колоритной жизнью. Оригинальные типы въ ней не переводятся. Возьмите, на примѣръ, эту фигуру на одномъ изъ пунктовъ для сбора пожертвованій. Маленькій, гошій

(Перепечатка воспрещается).

ВЧЕРАШНИЕ ВРАГИ—РУССКІЙ и ПЛѢННЫЙ АВСТРЕЕЦЪ.

(Перепечатка воспрещается).

ЛВОВЪ.—ВЪ ОЖИДАНИИ РАЗДАЧИ ХЛѢБА ПЕРЕДЪ ГОРОДСКИМЪ ПИТАТЕЛЬНЫМЪ ПУНКТОМЪ.

старичокъ въ картузѣ и длинномъ пальто. Лицо иконописное, глаза смотрятъ въ очки строгимъ, пронизывающимъ взглядомъ, борода сбрал, длинная и тоже строгая. Подходить къ столу и бросаетъ записывающей барышнѣ мѣшочекъ, въ родѣ стариннаго кисета для табаку.

— Возьми, — говоритъ онъ, наирая на о, — отдай на лазареты да на одежду для арміи.

— Что здѣсь? — спрашиваетъ сидящій рядомъ студентъ,

нетерпѣливо слѣдя за быстрыми движеніями барышни, распутьвающей узелъ шурка.

— Золото... монеты... немного... да залежались у насъ, вишь ты, мы съ молодцами и рѣшили на армію пожертвовать. Пушай, говоримъ, туда идти, а мы и на бумажкахъ проживемъ...

Къ другому столу степенно подходитъ высокая, одѣтая въ черное женщина. Она тоже принесла какое-то пожертво-

(Перепечатка воспрещается).

ЛВОВЪ.—СТОЯНКА РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

(Перепечатка воспрещается).

ЛЬВОВЪ.—ЧАЕПИТИЕ НА БРАКОВСКОМЪ БАЗАРЪ.

ваніе. Отдала и не могла не отвести душу, не перекинуться нѣсколькими словами.

— Что же, и мы не хуже другихъ. И мы пожертвовать можемъ. Теперь, какъ порѣшили водку-то, совсѣмъ по иному зажили. А то мой благоверный-то, получить, бывало, рубль какой на фабрицѣ, идетъ мимо дома въ казенку и куражится: ему этотъ рубль, вишь ты, съ ворота кажетъ...

Наслушавшись подобныхъ разсуждений, взглядишься по-

добныхъ типовъ, и легче станетъ на душѣ, и уже безъ иронической улыбки вспомнишь опредѣленіе бородатого приказчика:

— Пожалуй, Москва — правильный городъ. Настоящій городъ, русскій — оттого и правильный.

Евг. Луцкій.

(Перепечатка воспрещается).

ЛЬВОВЪ.—СТОЯНКА РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ОШИБКА ГОФЛИФЕРАНТА.

I.

(РАЗСКАЗЪ).

ГОФЛИФЕРАНТЬ Гейнрихъ Шлейфъ сидѣлъ вечеромъ на своемъ обычномъ мѣстѣ въ лучшемъ изъ кельбергскихъ кафе, въ кафе Баумвальда на Карлплацѣ, и пилъ свою обычную кружку пива. Казалось, что онъ весь налитъ пивомъ, и не только коротко-подстриженные бачки, но и глаза его были пивного цвѣта.

Передъ гофлиферантомъ сидѣлъ его племянникъ Карлъ Шлейфъ и уговаривалъ его дать согласіе на его бракъ съ Гульдою Кюверъ, расхваливая Гульду въ сотый разъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

— Гульда — славная, честная дѣвушка. Она — бѣдная дѣвушка, но она имѣетъ свой, честно заработанный, кусокъ хлѣба. Она будетъ вѣрною женою и хорошею, экономною хозяйкою.

Гофлиферантъ былъ непреклоненъ. Онъ повторялъ въ сотый разъ одно и то же:

— Я не хочу, чтобъ мой племянникъ женился на простой деревенской дѣвушкѣ, у которой нѣтъ ни одного пфеннига и нѣтъ почтенныхъ и уважаемыхъ въ городѣ родственниковъ.

Какъ всегда, ровно въ десять гофлиферантъ кончилъ свою кружку. Крикнулъ:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ сказалъ кельнеру:

— Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора домой.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за эту кружку я буду платить.

Гофлиферантъ остался. Сидя надъ второю кружкою, онъ говорилъ:

— Я не могу допустить этого брака. Я — гофлиферантъ! Мои издѣлія употребляются при дворѣ моего Кайзера. Мои издѣлія извѣстны всей Германіи. Мои издѣлія вывозятся за границу, и даже некультурная Россія потребляетъ ихъ и черезъ ихъ посредство знакомится съ благами нашей германской культуры.

Карлъ воскликнулъ:

Иллюстраціи А. Радакова.

— О, да! Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ высоко держитъ знамя германской культуры, и я горжусь честию быть его племянникомъ.

Гофлиферантъ пожалъ его руку, и сказалъ:

— Карлъ, ты — умный и славный молодой человекъ, и ты можешь понимать. Да, я сорокъ лѣтъ приношу пользу моему возлюбленному отечеству. Меня уважаютъ все въ городѣ.

— И во всей Германіи, — вставилъ Карлъ.

Гофлиферантъ кивнулъ головою и продолжалъ:

— Если прѣзжіи на бангофѣ спросятъ любого трегера или, выйдя на улицу, спросятъ любого мальчишку: «Не знаешь ли ты, гдѣ живетъ гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ?», то всякій мальчишка скажетъ: «О, какъ же не знать, гдѣ живетъ господинъ гофлиферантъ Шлейфъ! Онъ живетъ въ своемъ собственномъ домѣ номеръ семь по Альбрехтштрассе, а его контора находится на Кайзерплацѣ, на углу Вильгельмштрассе». О, гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не послѣдній человекъ въ своемъ родномъ городѣ, и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ нѣтъ города, гдѣ бы не употреблялись издѣлія гофлиферанта Гейнриха Шлейфа!

II.

Гофлиферантъ поставилъ опорожненную кружку на стеклянное блюдо, и сказалъ громко:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ сказалъ:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Подайте еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора домой, гдѣ меня ждетъ госпожа гофлиферантша Гейнрихъ Шлейфъ.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ не возражалъ. Новая кружка была принесена и поставлена передъ нимъ. Гофлиферантъ тыкалъ себя толстымъ, свѣтло-пивного цвѣта, пальцемъ въ широкую грудь и говорилъ:

— Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не гордится своими заслугами передъ своимъ дорогимъ отечествомъ. Онъ только честно и добросовѣстно исполнялъ свой долгъ. Выше всего онъ ставилъ интересы своихъ кліентовъ, чтобы никто не могъ сказать, что издѣлія гофлиферанта Шлейфа не есть товаръ высокаго качества, отпускаемый по дешевой цѣнѣ съ гарантіею за прочность.

Карлъ сказалъ:

— Нѣтъ, дядя, этого никто не можетъ сказать. Товаръ гофлиферанта Шлейфа есть товаръ самаго высокаго качества.

Гофлиферантъ продолжалъ:

— Да, высокія качества моего товара извѣстны всѣмъ. Я употребляю самый хорошій матеріалъ и самыя усовершенствованныя машины, у меня работаютъ самыя хорошіе мастера, я плачу имъ аккуратно въ срокъ, и они имѣютъ у меня хорошій заработокъ. Когда къ нимъ приходятъ агитаторы отъ социалистовъ, они смѣются и говорятъ: «Намъ не нужно никакого социализма, мы—національ-либералы, и мы работаемъ на господина гофлиферанта Шлейфа».

Карлъ сказалъ:

— Мой товарищъ Отто Шарфъ, социаль-демократъ, говоритъ, что есть не мало социалистовъ и на фабрикахъ гофлиферанта Шлейфа.

Гофлиферантъ покраснѣлъ, стукнулъ кулакомъ по столу, и сказалъ сердито:

— Отто Шарфъ—мальчишка и бездѣльникъ, и его мать—паршивая русская свинья, и я не хочу говорить о какомъ-то Отто Шарфѣ, когда я говорю о моемъ племянникѣ. Гофлиферантъ Шлейфъ не заносчивъ, но онъ знаетъ себѣ дѣлу. Каждый вечеръ гофлиферантъ Шлейфъ идетъ въ это кафе, гдѣ рядомъ съ нимъ можетъ сѣсть каждый; онъ выпиваетъ свою кружку въ двадцать пфенниговъ и даетъ кельнеру десять пфенниговъ,—не больше и не меньше. И никто не смѣетъ сѣсть за тотъ столикъ, гдѣ я привыкъ пить свое пиво. Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ сказалъ:

— Кельнеръ, я плачу за эту кружку. Еще одну кружку господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возражалъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора идти домой, гдѣ меня ждетъ госпожа Амалія Шлейфъ, супруга гофлиферанта.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ не спорилъ. Онъ сидѣлъ передъ новою кружкою пива и продолжалъ распространяться о своихъ достоинствахъ.

III.

Гофлиферантъ говорилъ:

— Я не гордый человекъ, нѣтъ. Я пожму руку всякому человеку, который честно занимается своимъ трудомъ. Я уважаю госпожу учительницу Гульду Кюнеръ, потому что она честная и достойная дѣвушка. Если она придетъ въ мой магазинъ, я велю сдѣлать ей уступку, какъ самому почтенному изъ моихъ кліентовъ, и скажу, чтобы ей отпустили товаръ хорошаго качества, хотя бы она покупала на самую малую сумму. Но всякій человекъ долженъ знать свое мѣсто. У меня и у моей Амаліи нѣтъ дѣтей, но мой племянникъ, сынъ моего единственнаго брата, долженъ помнить, что у меня есть зато много двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Если мой племянникъ хочетъ наследовать мое дѣло и мою фирму, то онъ женится на дочери одного изъ почтенныхъ коммерсантовъ. Я не мѣчу высоко, я не хочу,

чтобы мой племянникъ женился на одной изъ юныхъ дѣвицъ фонъ-Танненбергъ, или фонъ-Клостербургъ, или фонъ-Либенштейнъ. Я хочу только того, чтобы жена моего племянника была изъ равной намъ семьи. Я сказалъ, а слово гофлиферанта Гейнриха Шлейфа твердо. Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ не унывалъ. Онъ рѣшился идти до конца, и сказалъ храбро:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Еще одну кружку господину гофлиферанту!

Гофлиферантъ возражалъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора идти домой, гдѣ меня ждетъ моя жена, моя дорогая Амалія.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Хорошо. Молодые люди расточительны, но я самъ былъ молодъ, и я понимаю, когда молодой человекъ хочетъ позволить себѣ немного покутить. Лучше покутить честно и благоразумно со старымъ дядею, чѣмъ съ легкомысленными и необузданными молодыми людьми, въ родѣ какого-нибудь повѣсы Отто Шарфа.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, если я женюсь на Гульдѣ Кюнеръ, то я не буду проводить свое время съ легкомысленными молодыми людьми, потому что Гульда Кюнеръ—скромная дѣвушка. Она будетъ заботливою и экономною хозяйкой, и мнѣ пріятно будетъ сидѣть дома.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ не хочетъ, чтобы дочь простого мужика вошла въ его домъ и сѣла впоследствии на то кресло, на которомъ нынѣ сидитъ госпожа гофлиферантша Гейнрихъ Шлейфъ, урожденная Амалія Липпертъ, дочь гофлиферанта-индустриенрата Фридриха Липперта. Нѣтъ, я хочу, чтобы все шло, какъ прилично, безъ заносчивости и безъ униженія.

IV.

Гофлиферантъ, опорожнивъ эту кружку, сказалъ громче, чѣмъ обыкновенно:

— Кельнеръ, прошу сосчитать!

Карлъ мужественно сказалъ:

— Кельнеръ, за эту кружку я плачу. Еще одну господину гофлиферанту.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Я выпилъ мою кружку, и мнѣ пора идти домой, гдѣ меня ждетъ моя милая Амалхенъ.

При воспоминаніи о милой Амалхенъ голосъ гофлиферанта дрогнулъ, и въ его глазахъ блеснули свѣтло-желтыя слезинки. Карлъ сказалъ:

— Дядя, за ту кружку я заплачу.

Гофлиферантъ остался. И еще. И еще. И еще.

Наконецъ, въ двѣнадцать часовъ ночи, когда кафе закрывалось, и когда всѣ добрые граждане богоспасаемаго города Кельберга уже мирно спали въ своихъ кроватяхъ, подъ своими теплыми пуховыми одеялами, вмѣстѣ со своими добродѣтельными женами, гофлиферантъ вышелъ на площадь, поддерживаемый Карломъ. Карлъ хотѣлъ было проводить его до дому, но гофлиферантъ рѣшительно этому воспротивился. Онъ говорилъ:

— Гейнрихъ Шлейфъ всю жизнь твердо стоялъ на своихъ собственныхъ ногахъ и не нуждается ни въ чьей помощи. Я дойду одинъ, а ты иди домой. Нехорошо молодому человеку возвращаться домой очень поздно. Твоя почтенная хозяйка, госпожа Клара Фрейманъ, можетъ по-

думать о тебѣ дурно, а если это повторится, то она перестанетъ держать тебя у себя на квартирѣ.

И на углу Карлсплаца и Карлштрассе Карль простился съ гофлиферантомъ, и отправился домой, въ свою скромную каморку на окраинѣ города, на Нахтигальштрассе. По порогу предавался онъ грустнымъ размышленіямъ о дидиной непреклонности и сладостнымъ мечтаніямъ объ очарованіяхъ прелестной и невинной Гульды.

V.

Гофлиферантъ шелъ привычною дорогою по Карлштрассе. Шаги его были очень нетверды.

Скоро пришелъ онъ на Кайзерплацъ, обширную площадь со статуею императора. Пять улицъ выходили на эту площадь: справа отъ Карлштрассе—Вильгельмштрассе, гдѣ была контора и магазинъ гофлиферанта; слева—Фридрих-

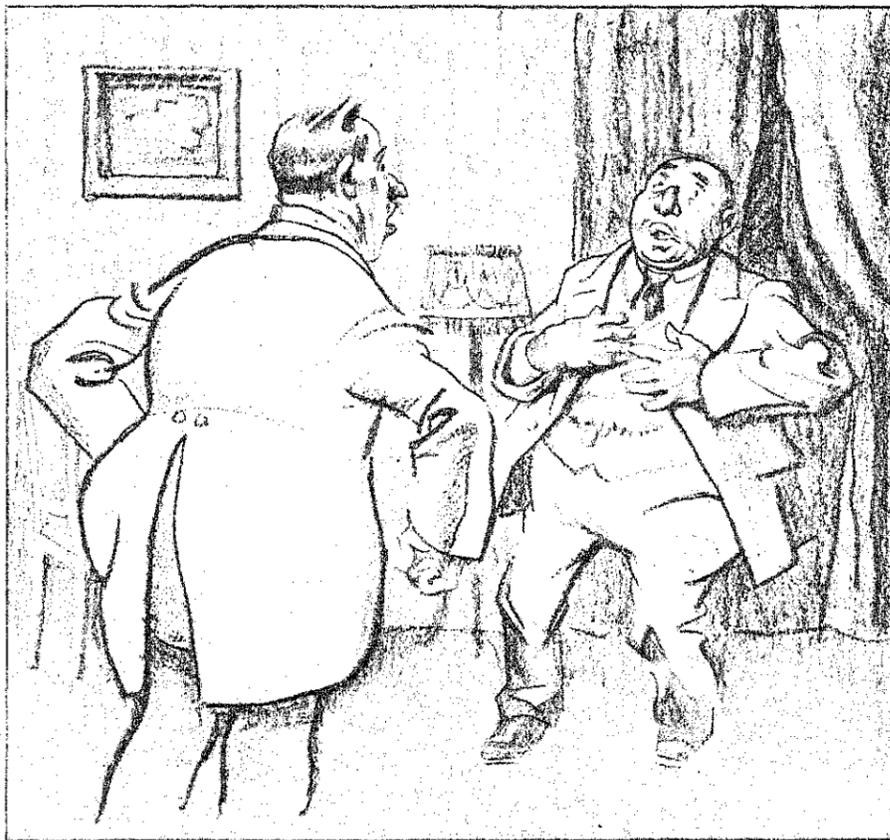
Гофлиферантъ досталъ изъ жилетнаго кармана ключъ отъ входной двери. Долго возился онъ, ключъ долго не хотѣлъ входить въ скважину. Наконецъ что-то щелкнуло въ пружинѣ замка, дверь заскрипѣла и открылась.

Гофлиферантъ съ досадою подумалъ, что служанка Гертруда не исполняетъ своихъ обязанностей и уже давно не смазывала петель двери. Онъ пошарилъ по стѣнѣ, повернулъ выключатель, и глянулъ на себя въ зеркало.

— О!—сказалъ онъ, укоризненно покачивая головою,—старый Гейрихъ, ты очень красенъ. Не годится тебѣ пить больше одной кружки, хотя бы ты за лишнее пиво и не платилъ ни пфеннига. Это вредно для твоего здоровья.

Въ сосѣдней комнатѣ послышалось шлепанье туфель. Гофлиферантъ умилился. Онъ воскликнулъ:

— Моя Амаля не спитъ и ждетъ своего стараго Гейриха!

штрассе; черезъ площадь—Альбрехтштрассе и Альбертштрассе.

Перейдя черезъ площадь и обогнувъ памятникъ, гофлиферантъ направился по одной изъ этихъ улицъ, и скоро добрался до дома подъ номеромъ седьмымъ. Съ трудомъ взобрался онъ по вѣшной лѣстницѣ къ дверямъ своей квартиры, при чемъ его удивило, что лѣстница стала какъ будто повыше на одну ступеньку. Но скоро онъ сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Онъ подумалъ:

«Я выпилъ сегодня больше одной кружки пива, и это подѣйствовало на мои ноги, но не на мою голову. Всегда я всхожу правою ногою на первую ступеньку, лѣвою на вторую, правою на третью, и такъ далѣе всѣ шесть ступеней. Но сегодня одна изъ моихъ ногъ ступила на ступеньку, гдѣ уже стояла другая нога, и вотъ почему я насчиталъ семь ступенекъ. Нѣтъ,—думалъ гофлиферантъ,—въ моемъ домѣ шесть ступенекъ, а семь ступенекъ—это въ домѣ господина ратмана Вильгельма Шпидера, тоже номеръ семь, но на другой улицѣ».

И его широко-улыбающееся лицо обратилось къ двери

VI.

Чей-то грубый голосъ за дверью спрашивалъ:

— Кто тамъ разговариваетъ такъ поздно ночью?

Гофлиферантъ испугался и подумалъ:

«Амаля сердится и говоритъ потому низкимъ голосомъ. Она спроситъ: что ты смотришься въ зеркало, какъ молодая дѣвушка? Зачѣмъ ты для этого тратишь электричество, которое стоитъ такъ дорого?»

Гофлиферантъ погасилъ свѣтъ и поспѣшилъ въ комнату. Но къ его ужасу и негодованію, на порогу встрѣтилъ его господинъ ратманъ Вильгельмъ Шпидеръ, въ домашней курткѣ и въ туфляхъ, такой же толстый и такой же красный, какъ и гофлиферантъ.

Гофлиферантъ воскликнулъ:

— Господинъ ратманъ!

Ратманъ воскликнулъ:

— Господинъ гофлиферантъ!

И оба они воскликнули одновременно:

— Какъ вы сюда попали?
И оба отвѣтили одновременно:
— Я у себя дома!
И опять оба въ одно время воскликнули:
— Это — мой домъ!
И въ это время въ души ихъ обоихъ закралась мрачная подозрѣнія. Гофлиферантъ воскликнулъ:
— Моя Амалія!
Ратманъ воскликнулъ въ тотъ же мигъ:
— Моя Берта!
— Вы идете отъ моей Амаліи!—говорилъ гофлиферантъ.
— Вы идете къ моей Бертѣ!—говорилъ ратманъ.
И оба они воскликнули одновременно:
— Не употребляйте имени вашей несчастной почтенной супруги, которую вы обманываете съ чужою женою.
— Прошу васъ удалиться изъ моего дома!—воскликнули оба они одновременно.
И наконецъ свѣтъ истины озарилъ голову гофлиферанта,—надъ головою ратмана онъ увидѣлъ люстру. Такая же точно люстра, какъ и у гофлиферанта, но лампочки заключены не въ шарообразные футляры льдистаго стекла, какъ у гофлиферанта, а въ футляры шестиугольные, хотя стекло такое же точно.
Гофлиферантъ въ ужасѣ воскликнулъ:
— Какъ я сюда попалъ!
Ратманъ отвѣчалъ:
— Я не знаю, какъ вы сюда попали, господинъ гофлиферантъ. Но я желалъ бы знать, какъ вы сюда попали и что вы здѣсь ищите въ такое позднее ночное время.
Гофлиферантъ говорилъ, весь красный отъ гнѣва и отъ смущенія:
— Я отворилъ дверь своимъ собственнымъ ключомъ! Я думалъ, что я на Альбрехтштрассе номеръ семь.
Ратманъ отвѣчалъ:
— Вы на Альбрехтштрассе номеръ семь, господинъ гофлиферантъ, и вы отворили мою дверь своимъ ключомъ. Я не буду удивляться, если окажется, что мой замокъ сломанъ.
Гофлиферантъ спросилъ:
— Но почему же вы это думаете?
Ратманъ отвѣчалъ:
— Мой замокъ имѣетъ свой ключъ, и чужимъ ключомъ онъ не можетъ быть безъ поврежденія отворяемъ.
Гофлиферантъ подумалъ, что ратманъ слишкомъ мрачно смотритъ на положеніе вещей. Необходимо провѣрить это немедленно, чтобы потомъ ратманъ не вздумалъ говорить о томъ, чего не было. Гофлиферантъ сказалъ:
— Мы должны это посмотреть, господинъ ратманъ.
Ратманъ запальчиво отвѣтилъ:
— Мы это посмотримъ сейчасъ же, господинъ гофлиферантъ.

VII.

Оба отправились въ переднюю, и тамъ безъ труда убѣдились въ томъ, что замокъ сломанъ. Ратманъ сердито поглядѣлъ на гофлиферанта и воскликнулъ:
— Господинъ гофлиферантъ!
Гофлиферантъ пожалъ плечами, развелъ руками, и сказалъ:
— Я очень извиняюсь, господинъ ратманъ, за поврежденіе вашего замка, произведенное мною безъ умысла, и я уплачу, что слѣдуетъ, за починку замка.
— Хорошо,—сказалъ ратманъ.—Но мы должны это обсудить. Пожалуйте въ мою гостиную, господинъ гофлиферантъ.

Вошли опять въ гостиную. Послышался за дверью тревожный голосъ Берты Шпейеръ:

— Вильгельмъ, съ кѣмъ ты разговариваешь такъ поздно?

Ратманъ отвѣчалъ:

— Не беспокойся, Берта, это господинъ гофлиферантъ Шлейфъ. У насъ съ нимъ дѣловое совѣщаніе.

— Въ такой необыкновенный часъ?—съ удивленіемъ спросила Берта.

— Дѣла всегда дѣла,—сказалъ ратманъ.—Иди, Берта, черезъ десять минутъ я вернусь къ тебѣ.

За дверью послышались удалявшіеся шаги Берты. Ратманъ повернулся къ гофлиферанту и, указывая ему на кресло, сказалъ:

— Итакъ, господинъ гофлиферантъ?

Гофлиферантъ сѣлъ на указанное кресло и, утирая платкомъ выступившій отъ волненія потъ, говорилъ:

— Я пришлю завтра къ вамъ слесаря...

Ратманъ перебилъ его:

— Извините, господинъ гофлиферантъ, но это очень неудобно, чтобы вы чинили замки въ моемъ домѣ. Это подаетъ поводъ къ разнымъ неприятнымъ слухамъ. Да и къ чему вамъ безпокоиться? Я слѣжаю все самъ, а вы уплатите мнѣ сейчасъ въ возмѣщеніе моихъ убытковъ нѣкоторую сумму денегъ.

Гофлиферантъ отвѣчалъ:

— Въ вечернее время я не ношу съ собою лишнихъ денегъ. Въ моемъ кошелькѣ находится сорокъ пфенниговъ, но этого, я думаю, мало за починку такого хорошаго замка.

Ратманъ сказалъ спокойно:

— Вы дадите мнѣ вексель.

Гофлиферантъ воскликнулъ съ удивленіемъ:

— Вексель! На такую сумму! Я завтра же пришлю вамъ, что слѣдуетъ.

— Я желаю имѣть пятьсотъ марокъ,—невозмутимо сказалъ ратманъ.

Онъ сѣлъ противъ гофлиферанта, сложилъ руки на животѣ и спокойно смотрѣлъ на своего незваного гостя.

— Господинъ ратманъ!—воскликнулъ гофлиферантъ.

Ратманъ говорилъ:

— Я сказалъ Бертѣ: дѣло. Что же я скажу, если она спроситъ: что же тебѣ дало это дѣло, за которымъ ты лишалъ себя ночного отдыха.

Гофлиферантъ растерянно говорилъ:

— Это невозможно, господинъ ратманъ!

Ратманъ сказалъ рѣшительно:

— Господинъ гофлиферантъ, я могъ бы сдѣлать большой скандалъ. Но я его не дѣлаю изъ уваженія къ вамъ.

Гофлиферантъ понялъ, что споръ бесполезенъ. Онъ бросилъ на ратмана негодующій взглядъ, и сказалъ съ тихою злобою:

— Давайте бумагу, я пишу вексель на триста марокъ.

— Пятьсотъ, господинъ гофлиферантъ.

Пришлось гофлиферанту писать вексель на пятьсотъ марокъ.

VIII.

На другой день, когда Карлъ сидѣлъ въ своей конторѣ, ему сказалъ конторскій мальчикъ въ курточкѣ съ бронзовыми пуговками и съ узкими галунчиками:

— Господинъ Шлейфъ, къ вамъ пришелъ мальчикъ отъ господина гофлиферанта Шлейфа.

Карлъ взялъ съ ясеняго пенька надъ конторкою котелокъ, и вышелъ на улицу, гдѣ его ждалъ другой мальчикъ съ такими же галунчиками и пуговками. Карлъ надѣлъ

котелокъ, мальчикъ снялъ фуражку съ галунами, поклонился и сказалъ:

— Добрый день, господинъ Шлейфъ.

Карлъ сказалъ:

— Добрый день, Фрицхенъ. Что скажешь?

Фрицхенъ отвѣчалъ:

— Господинъ гофлиферантъ проситъ васъ пожаловать вечеромъ въ девять часовъ въ кафе господина Баумвальда.

Карлъ подумалъ, поглядѣвъ для чего-то на часы, кинулъ взглядъ вдоль улицы, и наконецъ сказалъ:

— Скажи господину гофлиферанту, что я приду.

Мальчикъ опять поклонился, надѣвъ фуражку, и пошелъ къ Карлацу скорою походкою хорошаго посланнаго мальчика, не тихо и не скоро, не останавливаясь передъ витринами хорошихъ магазиновъ съ хорошими и дешевыми товарами. Карлъ же вернулся въ контору, къ своей конторкѣ. Онъ думалъ:

«Гофлиферанту понравилось пить мое пиво. Хорошо, пусть пьетъ, мнѣ не жалко, я могу сдѣлать экономію на другомъ. Но я хотѣлъ бы, чтобы моя деньги и мое время не пропали даромъ, и чтобы гофлиферантъ согласился на мой бракъ съ Гульдою. Онъ долженъ понять, что я имѣю свой расчетъ въ жизни, и что хорошая жена полезнѣе для хозяйства, чѣмъ хорошее приданое, которое можно все растратить на прихоти избалованной въ богатствѣ жены».

IX.

Вечеромъ въ кафе Карлъ усердно хвалилъ Гульду. Гофлиферантъ молчалъ. Когда третья кружка подходила къ концу, гофлиферантъ сказалъ:

— Госпожа Гульда Кюнерь—хорошая дѣвушка, и она получила хорошее мѣсто въ городѣ.

И замолчалъ. Карлъ еще ревностию продолжалъ хвалить свою возлюбленную.

Допивая четвертую кружку, гофлиферантъ сказалъ:

— Вчера я долго шелъ домой и по дорогѣ успѣлъ по-

думать о многомъ. Я, гофлиферантъ Гейнрихъ Шлейфъ, заблудился и пошелъ не по настоящей дорогѣ. Я долго думалъ, и понялъ, что всякій человекъ можетъ одинъ разъ въ жизни сдѣлать ошибку, только надо, чтобы ему было чѣмъ заплатить за эту ошибку.

Карлъ сказалъ:

— Дядя, я еще не сдѣлалъ ошибки.

Гофлиферантъ возразилъ:

— Нѣтъ, Карлъ, ты сдѣлалъ ошибку уже тогда, когда влюбился въ бѣдную дѣвушку. И вторую ошибку ты сдѣлалъ, когда ты далъ ей надежду на бракъ съ тобою. Но у тебя, Карлъ, будетъ чѣмъ заплатить за твои ошибки,—я рѣшилъ дать мое согласіе на твой бракъ съ Гульдою.

Карлъ засіялъ. Онъ думалъ:

«О, мои расходы не пропали даромъ!»

И воскликнулъ:

— Кельнеръ, еще одну кружку господину гофлиферанту, и одну также мнѣ!

Гофлиферантъ говорилъ:

— У Гульды Кюнерь нѣтъ денегъ, но я на свой счетъ сошью ей все, что надо для молодой дѣвушки, выходящей замужъ. Скажи ей, Карлъ, пусть она завтра же идетъ къ госпожѣ Пельдеръ,—я уже сказалъ, чтобы госпожа Пельдеръ сняла съ нея мѣрку для бѣлья. И оттуда пусть она идетъ къ госпожѣ Шварцъ, которая сошьетъ ей платья, и къ господину Крюгеру, который сдѣлаетъ ей башмаки. И потомъ пусть она идетъ въ мою контору, гдѣ ей дадутъ еще двѣсти марокъ на прочіе мелкіе расходы.

Карлъ прослезился и воскликнулъ:

— Благодарю васъ очень, дядя, очень благодарю. Господь Богъ вознаградитъ васъ за ваше великодушіе и за вашу щедрость!

— О!—воскликнулъ гофлиферантъ,—я платилъ за мою ошибку, я буду платить за твою ошибку; мои кліенты въ некультурной Россіи заплатятъ за наши ошибки.

Федоръ Сологубъ.

(Перепечатка воспрещается).

ЦѢЛЫЕ НА СТ. ГАЛИЧЬ.

АЛЕКСАНДРЪ БАВШН.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ БОЮ.

(Отъ нашего корреспондента).

УСТАНОВИЛАСЬ настоящая осенняя погода. Были дожди, что морозятъ цѣлый день, безъ конца. Сейчас, хоть и солнце свѣтитъ, но свѣжо, и, когда кондукторъ автобуса говоритъ, что наверху «фулл-апъ» — полно и мѣсть свободныхъ мѣсть, — я, тепличный россиянинъ, теперь ужъ безъ угрызений совѣсти присоединяюсь къ дамскому обществу внутри: здѣсь, хоть и газомъ пахнетъ, но зато тепло. Не таковъ природный англичанинъ. Если ему только не грозитъ промокнуть насквозь, онъ всегда предпочтетъ ъдуть наверху, ибо свѣжій воздухъ — это его стихія, и любовь къ нему составляетъ предметъ его особой національной гордости. Сравните англичанина хотя бы съ бельгийцемъ. Мой пріятель, англичанинъ, недавно жаловался на бельгийскіе поезда: «Какъ это могутъ люди сидѣть въ вагонахъ съ закрытыми окнами!» Но подобныя замѣчанія можно слышать на каждомъ шагу. Они стали трафаретными, избитыми. Потому, однако, они пріобрѣтаютъ и глубокий смыслъ, особую значительность. Въ нихъ находятъ свое выраженіе своеобразная и чрезвычайно важная черта національнаго характера.

Съ какой графеной отчетливостью рисуется моему сознанию этотъ національный образъ! Только на прошлой недѣлѣ газеты сообщали о двухъ схваткахъ съ врагомъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Сравните оба эпизода. Они такъ символичны... Съ одной стороны — нападеніе невидимаго врага, тайно подкрадывагося и неожиданно наносящаго ударъ въ спину, съ другой — открытый поединокъ, въ которомъ побѣда осталась не только за болѣе сильнымъ, но и за болѣе подвижнымъ и находчивымъ.

Да не подумаетъ читатель, что я рисую себѣ нѣмцевъ трусами, неспособными къ открытому бою. О нѣтъ, нисколько. Война несомнѣнно доказала, что они въ избыткѣ обладаютъ, какъ мужествомъ, такъ и умѣніемъ драться. Но какое у нихъ и то и другое тяжелое, подлинно «нѣмецкое»: колоссальные запасы силы, учености, науки, но полное отсутствіе граціи, юмора, искусства. Велики ужасы войны. Порой не хватаетъ силъ даже постичь ихъ, даже допустить самую ихъ возможность въ наше цивилизованное время. Но во сто кратъ ужаснѣе всѣхъ войнъ война научная, война сведенная къ математическому расчету. Такую войну ведетъ Германія противъ войны, ставшей дѣломъ религіи — въ Россіи и отчасти во Франціи и Бельгіи, и противъ войны, ставшей дѣломъ

искусства — въ Англіи. Если что-нибудь еще способно оправдать войну передъ нашимъ моральнымъ сознаніемъ, то это только религія или искусство. Разсудочная же война Германіи, какъ по цѣлямъ, такъ и по своимъ методамъ, является простымъ убійствомъ, холодно-безопаснымъ и жестокимъ. Любопытно, что эта отвлеченная разсудочность сказывается не только въ характерѣ нѣмецкаго солдата, съ такой сосредоточенной серьезностью дѣлающаго наказанное ему дѣло, но и въ самой теоріи войны, исповѣдуемой нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ, — согласно которой вся армія должна представлять единый, управляемый изъ центра механизмъ, въ которомъ инициатива и индивидуальная самостоятельность отдельныхъ частей должны быть сведены до послѣдняго мнимума. Не удивительно, что при такой «идеологіи» нѣмцевъ положительно шокируетъ тотъ спортсменскій духъ, какой господствуетъ въ англійской арміи и флотѣ. Ихъ возмущаетъ, что «Томми Эткинсъ», этотъ «жалкій», «презрѣнный» англійскій рядовой, столь ползкій свѣсъ и высокомеріи, позволяетъ себѣ во время перерывовъ въ канонадѣ играть въ футболъ и пѣть разухабистыя пѣсни, какъ бы совершенно игнорируя всю важность и значительность происходящей борьбы. Правда, и нѣмецкіи солдаты не отказываютъ себѣ въ развлеченияхъ, но послѣдніе, «разумѣется», носятъ совершенно иной характеръ: сидя въ траншеяхъ онъ не профанируетъ великаго дѣла неумѣстными вабавами, а серьезно выслушиваетъ музыку, специально исполняемую для его удовольствія полковыми оркестрами и... граммофонами. Да, граммофонъ, выхрипывающій пріятную музыку на полѣ сраженія — это, дѣйствительно, выдумка, достойная нѣмецкаго гения и не лишенная, быть можетъ, и глубокаго символическаго смысла. Не знаю, увлекла ли бы она Томми Эткинса. Пока что, во всякомъ случаѣ, онъ удовлетворится музыкой на гребешкѣ и папиросной бумагѣ. И въ выборѣ пѣсенъ тоже отдаетъ предпочтеніе наиболее легкомысленнымъ. Самая популярная сейчасъ пѣсня среди англійскихъ солдатъ это — «It is a long, long way to Tipperary», въ которой распѣвается, какъ «долгий, долгій путь до Типперэри» — захолустной ирландской деревушки являющейся мѣстопробываніемъ прекрасной дамы, героини пѣсни, — но зато какъ близокъ онъ до Пиккадилли и Лестеръ-сквера — центральныхъ мѣстъ Лондона, гдѣ прекрасныя дамы и гораздо до-

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО У АВСТРІЙСКАГО ОРУДІЯ ВЪ ГАЛИЦЬ.

ступниѣ и много веселѣ. И не только солдаты расцѣвуютъ эту ибѣню. Вы ее услышите всюду—на улицахъ и въ магазинахъ, въ кабачкахъ и лучшихъ ресторанахъ. Она даже перебросилась въ колоніи, и не такъ давно въ Канадѣ на одномъ изъ патристическихъ митинговъ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ герцога Коннаутскаго, члена королевской фамиліи и вице-короля Канады, ее расцѣвали всѣ собравшіеся, съ самимъ герцогомъ во главѣ хора. Подобная фривольность на руду съ самой непреклонной готовностью борется за родину, со стороны можетъ показаться непопулярной. Но она отражаетъ всю ту же основную черту національнаго характера: полноту жизненныхъ силъ, внутреннюю сконцентрированность, которая дѣлаютъ человѣка господиномъ самому себѣ и дѣйствительнымъ хозяиномъ жизни. Ужасъ смерти можно побѣдить или вѣрой, или цроніей. Тѣ, у кого жизнь есть непрерывный разрядъ внутренней энергіи, могутъ позволить себѣ дерзость насмѣшливой улыбки передъ каменящимъ лицомъ смерти^{*)}. Зато подобные люди всѣмъ существомъ своимъ отдаются жизни, внося въ нее, какъ художники, форму, культивируя самое мастерство человѣческаго проявленія во вѣѣ. Я согласенъ, мастерство это въ современныхъ условияхъ жизни крайне элементарно. Низкій культурный уровень массъ не позволяетъ вкусу сколько-нибудь подняться надъ уровнемъ примитивности. Англичане, однако, больше, чѣмъ какой бы то ни было другой народъ, культивируютъ въ себѣ это мастерство красиваго существованія и красиваго завершения послѣдняго—смерти. Потому и война для нихъ въ такой громадной мѣрѣ искусство. Посмотрите, какъ встрѣчаются обществомъ извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій. Какъ и въ другихъ странахъ, оно радуется побѣдамъ своихъ воиновъ, огорчается—въ случаѣ ихъ поражений. Какъ и въ другихъ странахъ, оно преклоняется передъ героизмомъ, самопожертвованіемъ, смѣлостью. Но не это вызываетъ его особые восторги. Оно сдѣлать за военнымъ поединкомъ въ полѣ или на морѣ, такъ же, какъ оно сдѣлало бы за «cup final matches» въ футболѣ, крикетъ или теннисѣ. Быстрота, находчивость, выдержка и абсолютное спокойствіе, а при побѣдѣ—рыцарское обращеніе съ уничтоженнымъ противникомъ,—вотъ тѣ качества, которые производятъ на воображеніе общества наибольшее впечатлѣніе.

Есть въ англійскомъ языкѣ одно слово, удивительно отражающее эту черту народной психологіи. Это слово—«smartness». Оно выражаетъ идею полнѣйшей завершенности, максимальной экономіи силъ, наибольшаго соответствія между средствомъ и дѣлью, причиной и слѣдствіемъ. Чаще всего его приходится слышать въ примѣненіи

^{*)} Такъ англійскіе солдаты на полѣ сраженія называли между собою вѣмецкіе шрапнельные снаряды «черными Мапами» или «Джекъ-Джонсонами» (по имени знаменитаго боксера-негра), такъ какъ, разнося кругомъ смерть, снаряды эти покрывали также все черной сажой.

къ вѣшности человѣка. «Smart»—это тотъ, кто одѣтъ съ иголочки, щеголемъ. «Smart»—тотъ, кто легко и красиво ходитъ, ловокъ въ движеніяхъ, находчивъ въ разговорѣ, «Smart», наконецъ, тотъ, кто исполняетъ свое дѣло съ наибольшей легкостью, увѣренностью и совершенствомъ. Люди могутъ быть красивы, умны, благородны, и англичанинъ никогда не откажется признать въ нихъ эти достоинства. Но качество, которое способно заслужить въ его глазахъ наивысшую похвалу, это—«smartness». Съ этой мѣрой оиъ подходитъ къ своимъ Томми-Эткинсамъ и Джекъ-Тарамъ (національннхъ прозвища солдата и матроса) и читал отчеты объ ихъ поведеніи на войнѣ, съ гордостью говоритъ про себя фамильярно: «Smart sharp!»—«ловкіе ребята!»

Но если «smartness» особенно проявляется въ побѣдахъ, когда каждое преимущество въ силѣ или позиціи, какъ и въ шахматахъ, даетъ возможность показать красивую игру, то въ неудачахъ сказывается другая національная черта англійскаго характера—«doggedness». Бульдогъ,—эта зѣвроподобная порода собакъ, отличающаяся особой силой и цѣвкостью и потому употреблявшаяся для ловли буйволовъ (отсюда и имя—bull-dog)—давно уже, какъ извѣстно, стала «John Bull's dog»,—олицетвореніемъ безконечной цѣвкости и пастойчивости Джонъ-Була.

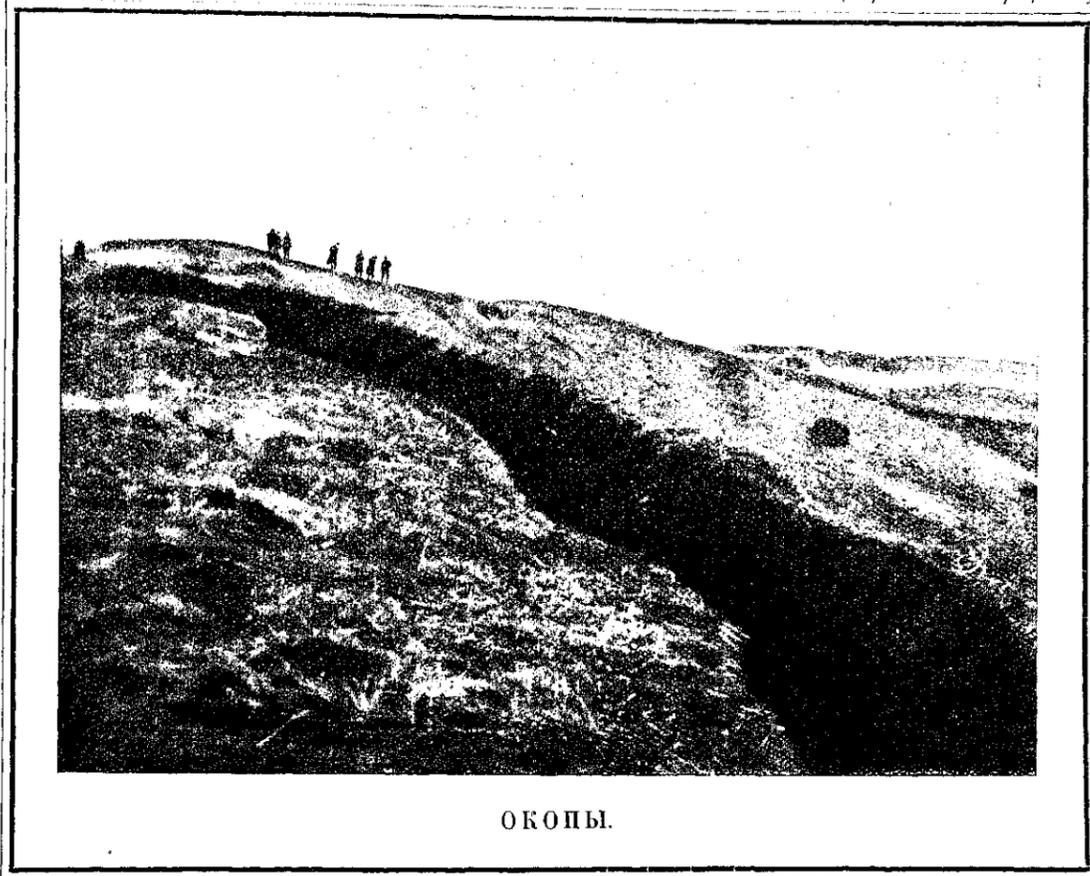
Не мало этого удовольствія ждетъ ихъ и въ будущемъ. И въ этомъ отношеніи можно быть вполне увѣреннымъ, что какъ бы не тѣшили себя пѣвды надеждой нѣсколькими ударами сокрушить и раздавить англичанъ, придушить англійскаго бульдога врядъ ли будетъ подъ силу хотя бы и самому толстому Михею. Вотъ и сейчасъ они пугаютъ напустить на Лондонъ флотилію щепелиновъ, захватить европейскій берегъ Ламанша, перебросить въ Англію экспедиціонный отрядъ. Чтожь, пусть попробуютъ. Пріемъ имъ будетъ оказанъ, во всякомъ случаѣ, по заслугамъ и чину.

А пока что въ Лондонѣ мы не такъ ужъ ихъ и боимся. Правда, по вечерамъ на улицахъ довольно темно; но путь къ Пиккадилли и Лестеръ-скверу находится все еще очень легко, и я не замѣтилъ, чтобы въ этомъ благодатномъ районѣ темнота создавала особые препятствія, или чтобы страхъ передъ щепелинами нарушалъ на этихъ улицахъ «обычное теченіе жизни». А когда зачастятъ дожди и заволокутъ городъ туманы, «смартъ Джекъ-Таръ» и «дѣгдѣ Томми Эткинсъ» возьмутъ любезную госпожу погоду объ руку и съ неизмѣнной своей самоувѣренностью, какъ ни въ чемъ не бывало, будутъ продолжать готовить свою встрѣчу тѣмъ ивѣдкимъ храбрецамъ, которые полюбоществовали бы узнать, какъ себя чувствуютъ, побывавъ съ визитомъ въ предѣлахъ «коварнаго Альбіона».

Лондонъ.

Александръ Бакинъ.

(Перепечатка воспрещается).

ОКОПЫ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

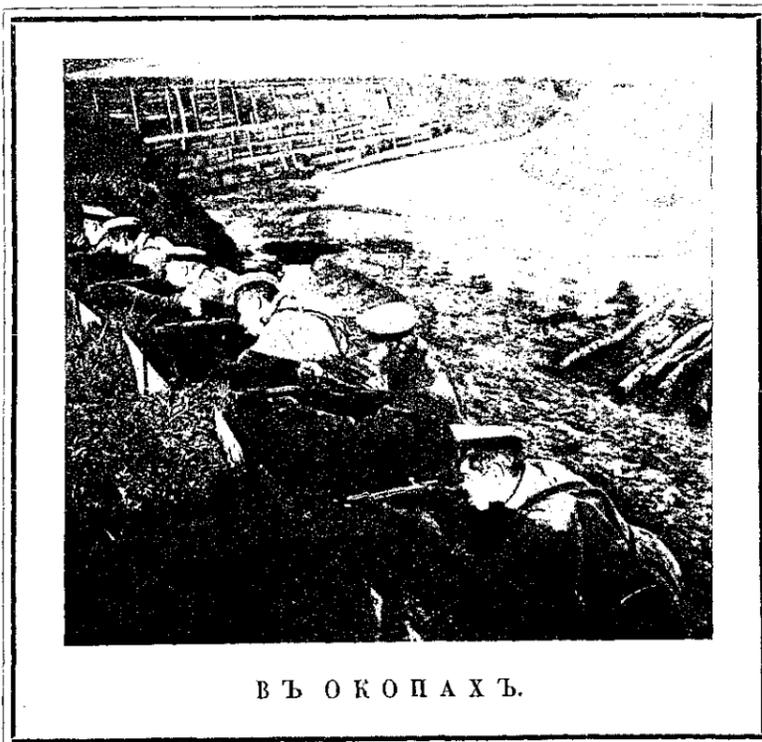
Н о т о.

НЕДАВНО одинъ мой знакомый, захворавъ, строго наказалъ родственникамъ:

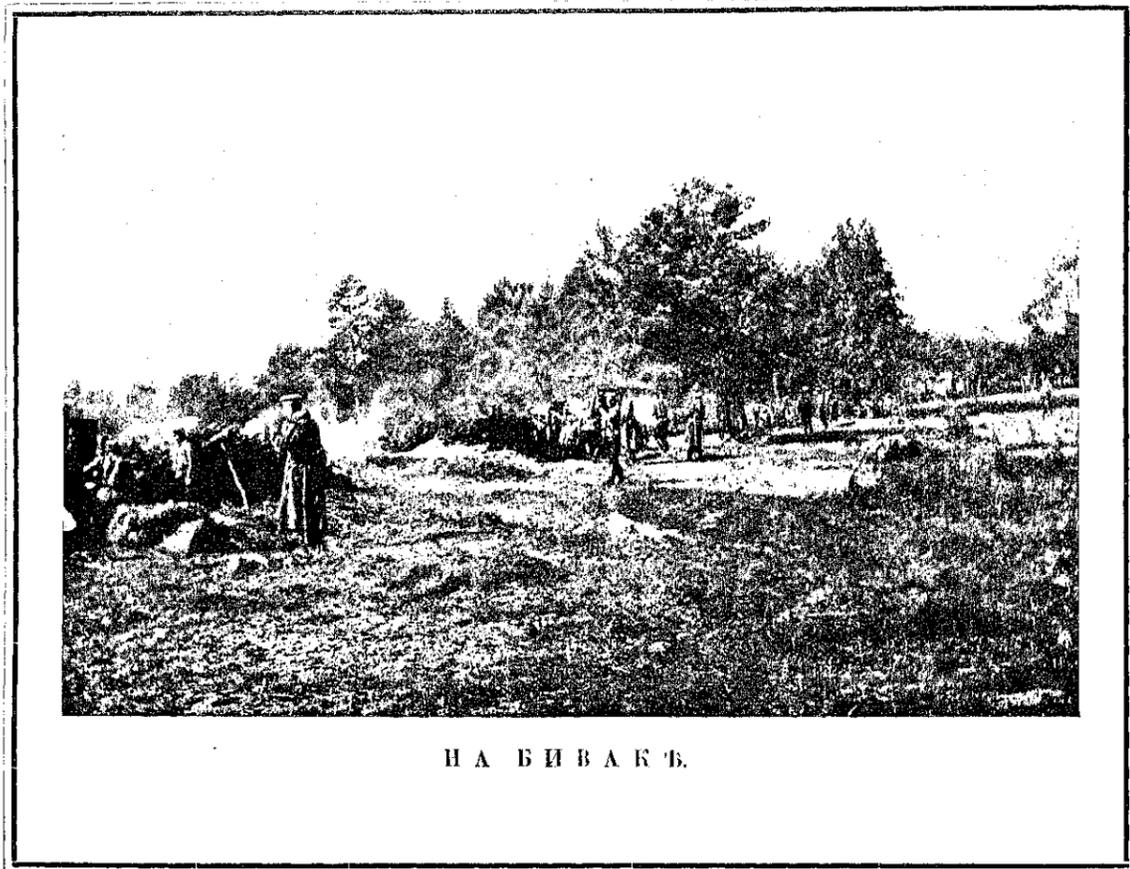
— Если я умру, то велите газетчику, чтобы онъ носилъ мнѣ газеты на кладбище. Пусть носить и вечернія, а то, хоть и вечеромъ, но едва ли меня пустятъ на Невскій. Время такое, что я не могу безъ извѣстій.

Да, время такое — удивительное время, когда сама смерть страшна лишь, какъ прекращеніе подписки на газету. Что дѣлается! Что дѣлается на свѣтѣ!

Давно ли былъ тотъ необыкновенный день, когда человѣкъ впервые полетѣлъ на крыльяхъ — и, затанувъ дыханіе, съ восторгомъ, со слезами, съ

ВЪ ОКОПАХЪ.

НА БИВАКЪ.

трепетомъ смотрѣли на него оставшіеся на землѣ. Летитъ человекъ! Летитъ! Вѣрить не хотѣли; и тѣ, кто самъ не видѣлъ, разспрашивали у видѣвшихъ, правда ли, и какъ это происходитъ, и высоко ли поднимается, и похожъ ли на птицу... на орла, напрымѣръ? Да, правда; да, высоко поднимается, едва глазомъ видно; да, похожъ на птицу и скоро пожалуй будетъ занесенъ въ орнитологію, какъ homo volans. Недавно только homo sapiens, теперь уже и volans—однако, какъ поднимается въ цѣнѣ старый homo!

Тысячи тысячъ лѣтъ неистово завидовалъ человекъ птицамъ, тысячи лѣтъ, безкрылый стоялъ на берегу голубой бездны, откуда свѣтитъ солнце, и безнадежно, какъ проклятый, мечталъ о неизвѣданныхъ просторахъ. Это не была мечта одного или двухъ, это не былъ романтическій порывъ нѣсколькихъ—это была мечта всего человечества, категорическое требованіе его вѣщественнаго духа. Стоящій во главѣ всего звѣринаго рода, самый сильный, самый смѣлый, самый добрый и самый злой, самый великодушный и самый хищный, первый въ лѣсу и первый на морѣ—могъ ли человекъ успокоиться, пока не станетъ шефомъ и всѣхъ крылатыхъ армій, начиная съ орла и кончая мотылькомъ? Иначе его могъ оскорбить безнаказанно всякій воробей.

И вотъ онъ—полетѣлъ. Это былъ недавно, почти на дняхъ, и всѣ мы помнимъ и чувство гордости нашей и большого страха, огромнаго безпокойства и тревоги: вѣдь такой маленькій, такой хлибкій и почти что жалкій оказался homo volans среди воздушныхъ безднъ, видимой грани-

цей которыхъ являются свѣточки отдаленнѣйшихъ звѣздъ. Каждый летящій шелъ какъ бы на смерть; такъ всѣ это и знали, такъ и смотрѣли въ его зачарованное лицо, когда среди европейскихъ толпъ проходилъ онъ къ своему «аппарату» и кланялся: Ave, Caesar, moriturus te salutal! И ободранный уличный мальчишка, для котораго его цезарской ложей служила верхушка забора, тоже рукоплескалъ обреченному: частичка народа, онъ зналъ, чья повелительная воля погнала человека на эту новую арену.

Откланявшись, homo леталъ и, пометавъ нѣсколько, падалъ. Такъ одинъ, такъ и другой, и сотый: леталъ—и падалъ, разбиваясь на смерть. Ломались крылышки, что то случилось неладное съ хвостомъ, или вдругъ переставало биться бензиновое сердце машины—и обреченный падалъ. Сурово встрѣчалъ его воздушный океанъ и безъ милосердія единымъ дыханіемъ опрокидывалъ игрушку; и трепетно было смотрѣть на одинокаго «homo volans», когда спокойный вѣтеръ жестоко и опасно кренилъ всю его непрочную икаровскую механику—неволью тянулись кверху руки, чтобы заклясть природу!

И если бы въ эту опасную минуту—вы представьте это!—кто нибудь изъ земныхъ взялъ дальнобойное ружье и, внимательно прицѣлившись—вы можете представить это?—выстрѣлилъ въ летящаго, когда онъ борется съ вѣтромъ; или привезли бы на поле огромную, стоймя стоящую пушку и дѣловито навели ее на одинокаго въ небѣ... то что бы это было? Слово бы не нашлось, чтобы заклеить такой невѣроятный поступокъ, не вы-

ЛВОВЪ—НАГРУЗКА ВРАЖЕСКИХЪ ПАТРОНОВЪ.

держали бы такого зрѣлища ни сердце, ни сознание. Впервые поднялся ребенокъ на ножки и, пошатываясь, дѣлаетъ первые очаровательные шагки, и замираетъ сердце родителей—и вдругъ—что то огромное и страшное, грузовой автомобиль, примѣрно—нарочно наѣзжаетъ на него, чтобы раздавить, смять, уничтожить... Ужасно!

Но вдругъ—вы представьте и это!—летающій съ легкостью голубя-турмана кувырнулся въ воздухъ и расправился въ немъ еще шире и свободнѣе; и плавно закружилъ надъ головами; и что-то бросилъ... и дрогнуло все внизу отъ громopodobнаго взрыва, звенять какія-то стекла, чей-то стонъ и вопли, дымъ, огонь—убійство! И это сдѣлалъ онъ—невинный младенецъ на нетвердыхъ ножкахъ, юнѣйшій homo volans! Ужасно, непонятно и—фантастично, какъ сонъ.

Да—а именно это и дѣлается сейчасъ, и называется оно войной въ воздухъ, воздушнымъ сраженіемъ, или еще проще: воздушной развѣдкой, обыденнымъ явленіемъ, малозначительной подробностью, для которой привычный человекъ уже не трудится и глазъ поднимать. Перепутались и передрались и homo sapiens и homo volans, стрѣляютъ, изобрѣтаютъ, убиваютъ, падаютъ.

И въ томъ, что такое явленіе можетъ казаться обыденнымъ и трактоваться заурядъ—и заключается необыкновенность и огромность нашего времени, его текущихъ дней. Не успѣвъ взлетѣть, уже вступилъ въ воздушную войну человекъ; еще только вчера самъ себя едва державшій въ воздухъ и покорно падавшій при первой случайности, сегодня онъ полнымъ хозяиномъ летаетъ подъ

градомъ пуль и шрапнелей, дерется, разрушаетъ города, грозитъ Лондону и Парижу, бросаетъ внизъ насмѣшливо вызывающія записочки... способенъ даже заниматься пустяками! Удивительное время, когда вдругъ всѣми своими гранями засверкаетъ старый homo, но всѣмъ предметамъ сразу держитъ мировой экзаменъ: и на злобу—и на великодушіе, и на смѣлость, и на умъ—homo sapiens, homo volans,—первый въ лѣсу, первый на морѣ... первый въ воздухъ! Старый, чудесный НОМО, самый загадочный и великолѣпный изъ всѣхъ звѣрей міра.

И сейчасъ на мгновение я перестану быть стороной воюющей: вѣдь дерутся только виды, а родъ нашъ одинъ, подъ одной фамиліей «человѣка» извѣстны мы не только далекому Марсу, но и простой дворовой собакѣ. И, какъ членъ рода, я во всемъ и навсегда раздѣляю его судьбу, плачу его долги, получаю по его счетамъ, съ нимъ живу и съ нимъ погибну въ послѣдній день земли. Одна у насъ совѣсть, одна и честь—не по личности и не по виду, а по всему роду будутъ судить насъ на Страшномъ Судѣ. Когда нѣмцы совершаютъ гнусности, то это плохо не для однихъ нѣмцевъ: всю фамилію Человѣка позорятъ ихъ дурные поступки; но Лувену все человѣчество должно надѣть трауръ и покаянную одежду, и никто не смѣетъ отговариваться, что онъ лично не участвовалъ въ разрушеніи и даже противился ему.

Но и доблестное, что совершается теперь, должно восприниматься всѣми нами, какъ наша общая гордость—кто бы его ни свершалъ,

Не умаляйте доблести врага

держите высоко честь старой и знатной фамилии НОМО!

И меня несказанно восхищает великолѣпная смѣлость молодого «homo volans», юнѣйшаго шефа всѣхъ крылатыхъ армій. Обычно невысокій по своему земному чину: поручикъ, лейтенантъ, просто механикъ и солдатъ, онъ летаетъ «съ порученіями» такъ просто и спокойно, какъ если бы дѣйствительно онъ родился птицей. Вокругъ него головокруженіе пустоты, провалъ, бездонность, облака и птицы; подъ нимъ—вражеская земля, и каждый дымокъ на ней—это выстрѣлъ, направленный въ

этой птицы человеческое сердце! Что же это за сила—старый homo? Гдѣ границы его смѣлости? Гдѣ конецъ его вызовамъ на бой—есть ли врагъ во вселенной, кому онъ не бросилъ бы перчатку!

Вонъ что то показалось... летитъ навстрѣчу... А, это другой homo volans. Сейчасъ они подерутся, въ воздухѣ, будутъ кружить, забираться выше, цѣлаться и стрѣлять, стрѣляющія птицы. А не то просто наметать одинъ на другого, какъ нашъ Нестеровъ, и оба грохнутся на земь, ибо эта стрѣляющая фантастическая птица еще

РАЗСТРЕЛИВАЕМЫЙ ГЕРМАНСКИЙ АЭРОПЛАНЪ.

него: не ласкою и привѣтомъ, а огнемъ и пулями дышетъ на него земля. И онъ летитъ, какъ лѣсная птица подъ выстрѣлами тысячъ охотниковъ, уходитъ выше, ломаетъ линію пути, чтобъ обмануть—а самъ смотритъ своими глазами «homo sapiens», фотографируетъ, рисуетъ, запоминаетъ, изучаетъ. Нѣтъ здѣсь ни соблазнительныхъ рекордовъ, ни призовъ, ни вѣющихъ флагами, восторженныхъ трибунъ; ни чей дружескій и любовный взглядъ не провожаетъ его и не умоляетъ небо быть милостивымъ къ дорогому homo volans—одинъ онъ совершенно. Вокругъ—головокруженіе пустоты, весь видимый міръ, земля и небо, жаждутъ его смерти, все враждебно и напряжено... а вѣдь у

и презираетъ смерть, зная что то высшее, чѣмъ она.

Большой пробѣлъ есть въ нашей космографіи: неизвѣстна дорога въ адъ и вообще точное его мѣстоположеніе. А будь оно извѣстно—homo также регулярно, съ сигарой въ зубахъ, путешествовалъ бы въ адъ и жарился на его адскихъ огняхъ, какъ теперь шатается онъ на Ривьеру—или мерзнетъ на полюсахъ—или «летаетъ» подъ выстрѣлами. То, что изъ АДА возврата нѣтъ, такъ сказано и въ билетной кассѣ, немногихъ бы смутило,

Вотъ онъ каковъ, старый великолѣпный НОМО—первый въ небѣ и первый въ аду!

Леонидъ Андреевъ.

МИХ. СЕМЕНОВЪ.

ГЕРМАНИЯ И ШВЕЦИЯ.

(ПИСЬМО ИЗЪ СТОКГОЛЬМА).

ГЕРМАНСКІЕ политики, особенно изъ среды такъ называемыхъ «intellektuellen Freiwilligen», борющихся «перомъ и словомъ», главное вниманіе удѣляютъ обработкѣ общественнаго мнѣнія въ нейтральныхъ странахъ. Они развѣзжаютъ и агитируютъ, угрожаютъ и запугиваютъ, ищутъ книги и сочиняютъ проекты. Впрочемъ, по тактическимъ приѣмамъ, германскіе политики образуютъ два теченія: «энтузіастовъ» и «умѣренныхъ».

«Энтузіасты» бредятъ о Великой Германіи, въ которую они включаютъ не только Россію до Днѣпра, но и всю Скандинавію, Голландію и Швейцарію. Объ Австріи умалчиваютъ, повидямому по тактическимъ соображеніямъ. Дѣйствуя своими реляціями о побѣдахъ Германіи на Востока и на Западѣ, на сушѣ, водѣ, и въ воздухѣ на воображеніе нейтральныхъ народовъ, они угрожаютъ имъ полнымъ уничтоженіемъ, если они тотчасъ «не исполняютъ своего долга» и не присоединятся къ Германіи, «борющейся за свободу Европы».

«Умѣренные» довольствуются меньшимъ. Они говорятъ о добровольномъ союзѣ народовъ центральной Европы. Идеаломъ ихъ является Союзъ Государствъ (mitteleuropäischer Staatenbund), но они готовы ограничиться пока таможеннымъ союзомъ (Zollvereinigung). Въ противоположность энтузіастамъ, они не только не вѣрятъ въ полное и окончательное пораженіе Россіи и Англіи, но предвидятъ усиленіе державъ тройственнаго согласія послѣ войны. Поэтому они все вниманіе нейтральныхъ обращаютъ на «опасности» со стороны Россіи и Англіи и къ объединенію призываютъ во «имя общей опасности» и «общихъ интересовъ».

Что въ Швеціи думаютъ объ «энтузіастахъ», мы видѣли изъ отзывовъ здѣшней печати о безтактномъ выступленіи Свенъ Гедина, сдѣлавшагося однимъ изъ стоекъ воинствующаго германизма. На ихъ зазыванія и угрозы въ Швеціи отвѣчаютъ только презрѣніемъ или насмѣшками.

Съ «умѣренными», естественно, больше считаются, но и ихъ идеи такъ же мало популярны въ Швеціи, какъ и провокаціонные выходки крайняго германскаго крыла. Недавно здѣсь потерпѣлъ рѣшительное фіаско проф. Оствальдъ, пріѣзжавшій въ Швецію для пропаганды идеи таможеннаго союза.

Теперь шведская печать также единодушно и рѣшительно высказывается противъ плана организаціи Союза Государствъ Центральной Европы, изложеннаго въ брошюрѣ Франца Листа «Der mitteleuropäische Staatenbund».

Разобравъ содержаніе брошюры и отдавъ должное искусству съ которымъ она написана, Dagens Nyheter пишетъ:

«Такимъ образомъ, организаціонный планъ устроенія будущей Европы, развитый въ этой брошюрѣ, чрезвычайно напоминаетъ идеи, съ которыми явился къ намъ проф. Оствальдъ. Разница лишь та, что у Листа все это изложено мягче и обосновано осторожнѣе, чѣмъ у Оствальда. Поэтому идеи Листа встрѣчаютъ въ Швеціи такое же осужденіе, какъ и миссія, съ которой пріѣзжалъ сюда Оствальдъ. Шведы не видятъ причинъ и отнюдь не склонны пожертвовать всей своей національной независимостью ради спасенія незначительной ея доли, которую намъ великодушно обѣщаютъ сохранить. Развивая эти невинные планы реорганизаціи Европы до ихъ логическаго конца, мы приходимъ въ ужасъ, отъ открывающихся передъ нами перспективъ. Вѣдь, предлагаемый намъ Союзъ Государствъ задуманъ по образцу Германскаго Союза. Создайте такой Союзъ Государствъ, и скоро раздастся кличъ о необходимости болѣе тѣснаго объединенія, на подобіе того, какъ Германскій Союзъ повелъ къ созданію Германской Имперіи.

Для насъ высшимъ принципомъ является шведское единство и національная независимость Швеціи. Все, что таитъ въ себѣ угрозу этому высшему для насъ принципу, неминуемо встрѣтитъ у насъ рѣшительный и энергичный отпоръ».

Здоровый инстинктъ, конечно, никогда не допуститъ Швецію до нарушенія нейтралитета. Но этого мало! Новымъ и чрезвычайно важнымъ факторомъ является духовное сближеніе Швеціи съ Россіей. Поэтому идеи политическаго объединенія или хотя бы только экономическаго сближенія скандинавскихъ странъ съ Германіей обречены на полнѣйшую неудачу. Mitteleuropäischer Staatenbund «умѣренныхъ» такой же точно бредъ, какъ и Великая Германія энтузіастовъ.

Мих. Семеновъ.

ОТЕЧЕСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ БОЛЬШОГО ФОРМАТА.

Еженедельный иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событіями міровой жизни и даетъ ихъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Возникая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной летописью НАРОДНОЙ ВОИНЫ. ■ Изъ номера въ номеръ дается въ иллюстраціяхъ и статьяхъ обзоръ военныхъ дѣйствій НА СУШѢ, НА МОРѢ И НА ВОЗДУХѢ; текстъ иллюстрируется картами, портретами, фотографіями и рисунками съ натуры. ■ Журналъ имѣетъ специальныхъ фотографовъ и художниковъ на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, М. Добужинскій, Франсуа Дюмонъ (F. Dumont), Д. Кардовскій, В. Кустодіевъ, В. Левитскій, Г. Нарбутъ, А. Радаковъ, Ре-ми, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. Н. Бенуа, М. И. Боголѣповъ, Ал. Блокъ, Ив. Бунинъ, Г. Вильямсъ (Dr. H. Williams), Г. Григорьевичъ, Н. Н. Евреинъ, Л. Доброправовъ, Влад. Гиппиусъ, И. В. Жилкинъ, Е. И. Замятинъ, А. Измайловъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, проф. Б. Персъ (Bernard Pears), С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, Н. Д. Телешевъ, А. В. Тыркова, Тэффи, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, А. М. Фелоровъ, П. Е. Щеголевъ и др.

Въ журналѣ «ОТЕЧЕСТВО» примутъ участіе М. Баррессъ, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.

Редакторъ-издатель З. И. ГРЖЕБИНЪ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ: съ доставкой и пересылкой на годъ 8 р., на полгода 4 р.

Въ отдѣльной продажѣ 15 коп. номеръ.

На ставкѣхъ жес. дороги—20 к.

Пріемъ подписки и объявленій производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Петерб.

Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ—3 руб., 1-го февраля—3 руб. и 1-го мая—2 руб.

Годовые подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНО** всѣ номера «ОТЕЧЕСТВА» за 1914 годъ (9 номеровъ).

РЕДАКЦІЯ:

Петроградъ, Бассейная, 60. Тел. 70-00.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

Петроградъ, Б. Болотная, 10. Тел. 159-53.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, «ОТЕЧЕСТВО».

СОДЕРЖАНІЕ 3-го НОМЕРА.

ВОИНА ВЪ КАРТИНАХЪ. Русскій театр. Снимки, сдѣланные на поляхъ недавнихъ битвъ: подъ Варшавой, въ Пясечно, въ Равѣ-Русской, въ Галичѣ, во Львовѣ. ■ П. ЯКОВЛЕВЪ. Черное по бѣлому. ■ СЪ ВОИНЫ. Письма участниковъ. ■ ЕВГ. ЛЯЦКІЙ. По Москвѣ. ■ ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. Ошибка гофлиферанта. Разсказъ. Иллюстраціи А. РАДАКОВА. ■ А. БАКШИ. Англичане въ бою. (Письмо изъ Лондона). ■ ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. Номо. ■ М. СЕМЕНОВЪ. Германія и Швеція. (Письмо изъ Стокгольма).

РЕДАКЦІЯ журнала «ОТЕЧЕСТВО» приглашаетъ фотографовъ, профессионаловъ и любителей, присылать фотографіи, относящіяся къ нынѣшней отечественной войнѣ. При посылкѣ фотографій просятъ не стѣсняться качествомъ исполненія; лучше въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылать самые негативы. Должно указывать размѣры желаемого гонорара.